
A.S. LAPPO-DANILEVSKII AND THE WRITING OF HISTORY IN LATE IMPERIAL RUSSIA

I first encountered the name of Aleksandr Sergeevich Lappo-Danilevskii more than thirty years ago, when, as a beginning graduate student in a class on Russian historiography and methodology, I was asked to read Nikolai Leonidovich Rubinshtein's *Russkaia istoriografiia*.¹ From Rubinshtein I learned that Lappo-Danilevskii was a forbiddingly erudite editor of historical texts, an expert on historical methodology who wrote from an Idealist rather than materialist perspective, a scholar whose outstanding work had earned him a place in the pantheon of pre-revolutionary non-Marxist historians. Rubinshtein's respect for Lappo-Danilevskii was striking because Rubinshtein advertised himself as belonging to an inimical historiographical tradition. I concluded that Lappo-Danilevskii must have been a major intellectual figure indeed, one I promised myself to study in the future. That resolution deepened in 1986 when I read Aleksei Nikolaevich Tsamutali's essay on Lappo-Danilevskii and Vasilii Osipovich Kliuchevskii.² From it I discovered that Lappo-Danilevskii's scholarship was somehow bound up with his liberal political outlook. I now decided one day to elucidate for myself the precise connections between Lappo-Danilevskii's approach to the writing of history and his politics.

In the essay below I shall first introduce the present volume, then, begging the reader's indulgence, I shall offer my own brief meditation on Lappo-Danilevskii as scholar, thinker and political actor.

I

Evgenii Anatol'evich Rostovtsev's marvelous book on Lappo-Danilevskii and the Petersburg historical school is an important contribution to our understanding of Russian culture and national identity in the two generations before the October Revolution. In it Rostovtsev investigates Lappo-Danilevskii's formation as an intellectual, his first steps as historian, his friendship and subsequent rivalry with Sergei Fedorovich Platonov over leadership of the community of historians in Petersburg University and the Russian Academy of Sciences. At stake, as Rostovtsev notes, were not only academic prestige and patronage in the narrow

¹ N. L. Rubinshtein, *Russkaia istoriografiia* (Moscow: Gospolitizdat, 1941).

² A. N. Tsamutali, "Liberal'noe napravlenie. V. O. Kliuchevskii. A.S. Lappo-Danilevskii," in *Bor'ba napravlenii v russkoi istoriografii v period imperializma* (Leningrad: Nauka, 1986), pp. 134–154.

world of the Petersburg intelligentsia but also the direction of future historical scholarship in the imperial capital and elsewhere in the empire. For if Platonov represented an empirical approach to the writing of history, one wary of broad historical generalizations and wary of theoretical models of historical interpretation, Lappo-Danilevskii advocated a sophisticated historical methodology mindful of the necessary tensions between claims about the laws of historical development and rigorous analysis of documentary sources. In Rostovtsev's telling, Platonov and Lappo-Danilevskii represented two poles of attraction within the Petersburg historical school: each man had his disciples, and each of their interpretive approaches strategies had its adherents. Occasionally an intrepid young scholar like Aleksandr Evgen'evich Presniakov tried to mediate the differences between Platonov and Lappo-Danilevskii but found the two masters mysteriously irreconcilable. Fortunately for us, Rostovtsev does not try to adjudicate the dispute between Platonov and Lappo-Danilevskii; Rostovtsev's singular achievement is to present the dispute, in all its complexity, so that we can finally apprehend both its irrational personal components and its intellectual seriousness.

Rostovtsev's book also offers us a detailed account of Lappo-Danilevskii's achievements as a historian. Rostovtsev sketches the main lines of argument in Lappo-Danilevskii's *Metodologiya istorii* and discusses his astonishingly productive career in the Imperial Academy of Sciences, especially his activities in publishing hundreds of Muscovite and early Imperial charters. Rostovtsev also mentions Lappo-Danilevskii's work behind the scenes in the Academy of Sciences: his indefatigable service as a referee of papers submitted to the academy and as juror of scholarly competitions, his willingness to write official obituaries for deceased colleagues, his eagerness to collaborate with foreign scholars interested in Russian history and to advance the profile of Russian scholarship by attending international conferences. Under Rostovtsev's pen there emerges a portrait of Lappo-Danilevskii as a brilliant, demanding, but also generous scholar who, from 1899 to his death in 1919, constituted the heart and soul of the Historical Section in the Imperial Academy of Sciences.

In the third section of Rostovtsev's book the author discusses Lappo-Danilevskii's fate in the Soviet and post-Soviet periods. He notes that for eighty years Lappo-Danilevskii has been the subject in Russia of serious scholarly discussion and evaluation. For most of the Soviet period scholars were receptive to Lappo-Danilevskii's concrete instructions on the editing of historical documents, but they rejected on ideological grounds his approach to the writing of history and especially his assumptions about proper historical methodology. Beginning in the late 1980s, given the progressive dissolution of Marxism-Leninism as a methodological paradigm for the writing of history, Soviet and post-Soviet scholars returned with new interest to Lappo-Danilevskii's strictures on historical methodology. In part, their fascination with Lappo-Danilevskii may have sprung from a desire to reconnect contemporary Russian historical scholarship with its pre-Soviet foundations, but Rostovtsev insists that the "revival" of Lappo-Danilevskii is better comprehended as a new stage in the intellectual assimilation of his extraordinary achievements as a historian and thinker.

In the book's conclusion Rostovtsev argues with some heat that Lappo-Danilevskii's methodological treatise should not be read as a "Russian variant" of the Baden school of historical interpretation, nor should his approach to scholarship be seen as more than superficially similar to that of the French *Annales* school in its classical phase. Rostovtsev's largest claim is that while Western scholarship has gone in different directions and while Western scholars, even Russianists, have shamefully neglected Lappo-Danilevskii's legacy, Soviet and Russian historians have studied that rich legacy for four generations. Rostovtsev predicts that Lappo-Danilevskii's future reputation in Russia and elsewhere depends on the sort of "social demand that civilization will exact from historical scholarship" — a safely irrefutable, but also indemonstrable proposition.

Rostovtsev's book rests on meticulous archival research, thoughtful study of Lappo-Danilevskii's *oeuvre*, and wide reading in the historiographical literature on Lappo-Danilevskii, Platonov and the entire Petersburg school of historians. Rostovtsev's depiction of Lappo-Danilevskii is a fitting tribute to a complex and talented man long in need of an inspired interpreter.

II

The final quarter century of the old regime was the golden age of historical scholarship in Russia. The period witnessed the publication of two large works of synthesis — Pavel Nikolaevich Miliukov's *Ocherki po istorii russkoi kul'tury* and V. O. Kliuchevskii's magisterial *Kurs russkoi istorii* — both of which attracted broad readership.³ It also saw the appearance of classic monographs such as Nikolai Ivanovich Kareev's research on the French peasantry,⁴ Platonov's essays on the Time of Troubles,⁵ Mikhail Mikhailovich Bogoslovskii's studies of Peter the Great's provincial reforms and of local self-government in the Russian north,⁶ Aleksandr Aleksandrovich Kizevetter's analysis of urban settlements in the eighteenth century,⁷ the first volume of Iurii Vladimirovich Got'e's monograph on provincial administration from Peter to Catherine the Great,⁸ and a series of fundamental books by Vasilii Ivanovich Semevskii on the Russian peasantry, the peasant question in the century before emancipation, and the Decembrists.⁹

³ According to Miliukov's biographer, *Ocherki po istorii russkoi kul'tury* underwent seven editions with numerous emendations between the first volume's appearance in 1896 and 1918. See Melissa K. Stockdale, "The Idea of Development in Miliukov's Historical Thought," in Thomas Sanders, ed., *Historiography of Imperial Russia. The Profession and Writing of History in a Multinational State* (Armonk, New York: M. E. Sharpe, 1999) p. 274. Kliuchevskii prepared his lectures for publication starting in 1902. The first volume saw light in 1904, the fourth in 1910, the fifth remained unfinished due to the author's death in 1911. Kliuchevskii's *Kurs russkoi istorii* won not only the interest of the contemporary reading public but of posterity. The last major Soviet edition, that of 1987 — 1989, printed 250,000 copies. See Robert F. Byrnes, "Kliuchevskii's View of the Flow of Russian History," in Sanders, *Historiography of Imperial Russia*, p. 239.

⁴ N. I. Kareev, *Krest'iane i krest'ianskii vopros vo Frantsii v poslednei chetverti XVIII v. (po nezhdannym istochnikam)* (Moscow, 1879); idem., *Ocherk istorii frantsuzskikh krest'ian s drevneishikh vremen do 1789 g.* (St. Petersburg, 1881).

⁵ S. F. Platonov, *Ocherki po istorii Smuty v Moskovskom gosudarstve XVI-XVII vv. (Opyt izucheniia obshchestvennogo stroia i sloslovnykh otnošenii v Smutnoe vremia)* (St. Petersburg, 1899).

⁶ M. M. Bogoslovskii, *Oblastnaia reforma Petra Velikogo 1719 — 1727* (Moscow, 1902); idem., *Zemskoe samoupravlenie na russkom severe v XVII v.* (Moscow, 1909 — 1912), 2 vols..

⁷ A. A. Kizevetter, *Posadskaia obshchina XVIII stoletia* (Moscow, 1903).

⁸ Iu. V. Got'e, *Istoriia oblastnogo upravleniia v Rossii ot Petra I do Ekateriny II. Tom 1. Reforma 1727 goda. Oblastnoe delenie i oblastnye uchrezhdeniia 1727 — 1755 gg.* (Moscow, 1913).

⁹ V. I. Semevskii, *Krest'iane v tsarstvovanie Ekateriny II* (St. Petersburg, 1882 — 1901), 2 vols.; idem., *Krest'ianskii vopros v Rossii v XVIII i pervoi polovine XIX veka* (St. Petersburg, 1888), 2 vols.; idem., *Politicheskie i obshchestvennye idei dekabristov* (St. Petersburg, 1909)

And let us not forget Semevskii's study of workers in Siberian gold mines, a two-volume social history requiring nearly seven years of research in archives and in Siberia that was probably the greatest scholarly *tour de force* by a Russian in the nineteenth century.¹⁰ In the depth of their archival findings and their penetrating shrewdness in interpreting Russian politics and society these books had few rivals in preceding decades. Indeed, it is fair to state that with their appearance the historical profession in Russia achieved parity with its Western European counterparts and in some respects surpassed them.

In this quarter century Russian historians aligned themselves in various ways. Some worked chiefly under the inspiration of a particular mentor or corpus of work: for example, in writing *Kurs russkoi istorii* Kliuchevskii drew heavily on Sergei Mikhailovich Solov'ev's multi-volume history of Russia; in turn, Kliuchevskii had a powerful impact on his pupils, even if he did not manage to impose upon them a uniform method of research or his own interpretation of Russian history.¹¹ Another familiar example is the case of Platonov, who gratefully acknowledged the guidance of his mentor Konstantin Nikolaevich Bestuzhev-Riumin,¹² and who later influenced two generations of students at St. Petersburg University.¹³ Certain historians identified themselves with the ethos and dominant methodology of a particular institution. As a rule of thumb, one can argue that historians trained at Moscow University tended to see themselves as responsible for providing an understanding of Russia's place in universal history, and even to discover or demonstrate the existence of general laws of historical progress. On the other hand, historians from St. Petersburg University tended to regard their primary duties as establishing the veracity of concrete documentary sources and interpreting the sources in a careful, parsimonious fashion.

In discussions of Russian historiography these factors – indebtedness to a beloved mentor and a common institutional profile or institutional loyalty – have not infrequently been taken as sufficient ground for asserting the existence of a Moscow or St. Petersburg “school” of historical writing. Yet it cannot plausibly be claimed that historians resident in Moscow operated in intellectual isolation from scholars living in St. Petersburg or vice versa. To take just two examples, Kliuchevskii's books were read eagerly by every serious historian in St. Petersburg, and Platonov explicitly acknowledged his influence; Lappo-Danilevskii's early book on Muscovite finances was strongly influenced by the Moscow jurist Boris Nikolaevich Chicherin's study of provincial administration in the seventeenth century, and, in turn, Lappo-Danilevskii's conclusions about the Muscovite and Petrine economy affected the research of Miliukov on Peter

¹⁰ V. I. Semevskii, *Rabochie na sibirskikh zolotykh promyslakh* (St. Petersburg, 1898), 2 vols. I except here Sergei Mikhailovich Solov'ev's *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen* (Moscow, 1851 – 1879), 15 vols., which was a more demanding long-term enterprise but which was written almost entirely from Moscow archives and libraries.

¹¹ On the disputed nature of Kliuchevskii's influence over his students, see Terence Emmons, “Kliuchevskii's Pupils,” in Sanders, *Historiography of Imperial Russia*, pp. 118 – 145. One of those students, Mikhail Nikolaevich Pokrovskii, denied that there was any such thing as a “school” of Kliuchevskii. See M. N. Pokrovskii, *Markizn i osobennosti istoricheskogo razvitiia Rossii. Sbornik statei, 1922 – 1925 gg.* (Leningrad, 1925), p. 76.

¹² A. A. Chernobaev, Platonov Sergei Fedorovich (1860 – 1933) in A. A. Chernobaev, ed., *Istoriki Rossii. Biografii* (Moscow: ROSSPEN, 2001), p. 379.

¹³ On Platonov's influence see A. N. Tsamutali, “Glava peterburgskoi istoricheskoi shkoly: Sergei Fedorovich Platonov,” *Istoriki Rossii. XVIII-nachalo XX veka* (Moscow, 1996), pp. 538 – 552.

the Great's financial reforms.¹⁴ Thus, the lines of mutual influence connecting the two capitals mitigated against the development of hermetic scholarly schools in either place.

Moreover, the vagaries of personal loyalty, institutional ethos and patronage were complicated further by the intense ideological mobilization that marked the late imperial period. Among St. Petersburg historians Platonov, a Russian patriot and moderate monarchist who served as tutor to various members of the royal family, stood on the political right, whereas Semevskii, after 1905 a member of the Populist Socialist Party, stood on the left. In Moscow, historians spanned the spectrum from center to extreme left. Kliuchevskii was a moderate reformist with a Slavophile tinge. In 1905 he accepted an appointment to the Kobeko commission on press freedom, wherein he criticized the government for distorting Russian intellectual life by printing a series of “artificial” books that “insinuated the censor's views over the author's signature.”¹⁵ Kliuchevskii's student Milukov was an assertive liberal whose radicalism led to arrest and exile before 1905, and after 1905 led to a high-profile role in the Kadet party. Kizeveter, another of Kliuchevskii's progeny, also joined the Kadet party and sat on its Moscow central committee with Miliukov. Far to the left was Mikhail Nikolaevich Pokrovskii, who joined the Bolshevik faction of the Social Democratic Party in 1905. Neither in St. Petersburg nor in Moscow did political affiliations neatly correspond to personal loyalties, patronage networks, institutional association or intellectual indebtedness.

Thus, the scholarly universe in which Lappo-Danilevskii came to operate was an excitingly complicated, but also a treacherous and contested world where increasingly individual historians found themselves weighing political ties against their intellectual and personal allegiances. In such an environment, wherein circumstances fairly dictated *sauve qui peut* as the maxim for survival, the maintenance of equability and personal integrity was exceedingly rare.

III

In the *pléiade* of scholars at the end of the old regime few were more distinguished than Lappo-Danilevskii. His contribution to historical literature included over one hundred seventy publications, ranging from student essays on the Scythians and Varangians to a master's thesis on taxation and the commune in the seventeenth century, from a splendid edition of charters registered by the College of Economy to articles on Russian social thought in the eighteenth

¹⁴ A. P. Lappo-Danilevskii, *Organizatsiia priamogo oblozheniia v Moskovskom gosudarstve so vremen Smuty do epokhi preobrazovannia* (St. Petersburg, 1890); B. N. Chicherin, *Oblastnye uchrezhdeniia Rossii v XVII-m veke* (Moscow, 1856); P. N. Miliukov, *Gosudarstvennoe khoziaistvo Rossii v pervoi chetverti XVIII v. i reforma Petra Velikogo* (St. Petersburg, 1892). Chicherin's influence on Lappo-Danilevskii was of two sorts: first, his effort to understand the interplay between the central administration and local society pointed the way to Lappo-Danilevskii's interest in establishing how taxation worked at the local level; second, Chicherin's attempts to trace the history of the peasant commune drew Lappo-Danilevskii's attention to the ways in which the central government in fact shaped the commune as a fiscal tool. The connections between Miliukov and Lappo-Danilevskii are probably more complicated. At first, they regarded themselves as allies against older figures in the historical “establishment,” and they shared a positivist approach to historical sources. Miliukov's articles on Russian historiography were important to Lappo-Danilevskii, even when he did not agree with all of Miliukov's conclusions. Of course, as Rostovtsev has pointed out, Miliukov criticized Lappo-Danilevskii's book after having praised it; the critique wounded Lappo-Danilevskii and led to a personal break with Miliukov.

¹⁵ Quoted in R. A. Kireeva, “Kliuchevskii Vasilii Osipovich (1841–1911),” in Chernobaev, *Istoriki Rossii. Biografii*, p. 319.

century.¹⁶ His *magnum opus* – a two-volume monograph entitled *Istoriia politicheskikh idei v Rossii v XVIII veke v sviazi s razvitiem ee kul'tury i khodom ee politiki* – remained unpublished at his death in 1919, but the first volume was finally seen into print in 1990 and there is hope that the final tome will soon be published.¹⁷ Even without that culminating publication, it is already clear that no contemporary scholar exceeded Lappo-Danilevskii in chronological range, breadth of thematic interests, mastery of documentary sources or sheer erudition.

Alongside his analyses of Russian history Lappo-Danilevskii produced the daunting two-volume meditation on the philosophical and technical foundations of historical scholarship mentioned above, *Metodologiya istorii*.¹⁸ In his Russian generational cohort Lappo-Danilevskii stood virtually alone as expert in explicating historical methods.¹⁹ As noted above, the recent rehabilitation of Lappo-Danilevskii's reputation rests in no small measure on his methodological outlook, which grounded historical scholarship on Kantian philosophy rather than on the Marxian materialism that seduced his contemporaries and the succeeding generation of scholars.

IV

Lappo-Danilevskii's formation as a historian occurred under propitious circumstances. Born in 1863 to a prosperous noble family in Ekaterinoslav province, he received an excellent domestic education and rigorous secondary training at the Simferopol' gymnaziia. By the time he enrolled at St. Petersburg University in 1882, he had a solid foundation in history, a reading knowledge of major European languages, a developed talent in music, and an informed love of mathematics. At university he studied with Bestuzhev-Riumin, who taught him the discipline of source criticism and gave him an understanding of the evolution of Russian historiography from Karamzin onward.²⁰ He also studied with Egor

¹⁶ For the archeological essay on the Scythians see *Skifskie drevnosti. Issledovanie A. S. Lappo-Danilevskogo* (St. Petersburg, 1887). The study of Muscovite finances appeared as A. S. Lappo-Danilevskii, *Organizatsiia priamogo oblozheniia v Moskovskom gosudarstve*. In 1899 Lappo-Danilevskii proposed to the Academy of Sciences a plan for publishing archival documents from the seventeenth and eighteenth centuries. A direct result of the proposal was the masterly *Sbornik gramot Kollegii ekonomii. Tom I. Gramoty Dvinskogo uezda* (Petrograd, 1922), which was finished in 1909 but published posthumously. A bibliography of Lappo-Danilevskii's publications may be found in Aleksei Malinov and Sergei Pogodin, *Aleksandr Sergeevich Lappo-Danilevskii: istorik i filosof* (St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2001) pp. 262 – 283.

¹⁷ The first volume saw light under the title *Istoriia russkoi obshchestvennoi mysli i kul'tury XVII – XVIII vv.* (Moscow, 1990). In a recent essay A. A. Chernobaev has called for swift publication of the sequel: "At present when Russia is witnessing burning controversies over its national future, Lappo-Danilevskii's conclusions about the necessity for a national sense of identity, about the significance of "transitional periods" in the battle of ideas, about the integral connection between material and intellectual/spiritual culture, about the role of public opinion and so on – these conclusions have not only an academic character. These very issues also press on contemporary scholars. Therefore the expeditious publication of the second volume of Lappo-Danilevskii's "main book" is absolutely imperative." See Chernobaev, "Lappo-Danilevskii Aleksandr Sergeevich (1863 – 1919)," *Istoriki Rossii. Biografii*, p. 399.

¹⁸ See A. S. Lappo-Danilevskii, *Metodologiya istorii. I. Printsipy i metody istoricheskogo znaniia. II. Glavneishie napravleniia v teorii istoricheskogo znaniia*. The material was serialized in *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. VI seriia. T. XII* (1918–1919) Nos. 5-7, 9, 11, 13. See also idem., *Metodologiya istorii. Vypusk I. Posmertnoe izdanie* (Petrograd, 1923).

¹⁹ One might consider the Eurasianist Lev Platonovich Karsavin a rival, except that Karsavin was mainly interested in the philosophy of history rather than the method of its writing. See L. P. Karsavin, *Filosofiia istorii* (St. Petersburg: A. O. Komplekt, 1993).

²⁰ Bestuzhev-Riumin's most important monograph dealt with the earliest Russian chronicles. See his *O sostave russkikh letopisei do kontsa XIV veka* (St. Petersburg, 1868). For an authoritative treatment of his life and scholarship see R. A. Kireeva, *N. K. N. Bestuzhev-Riumin i istoricheskaia nauka vtoroi poloviny XIX veka* (Moscow, 1990).

Egorovich Zamyslovskii, an expert on Muscovy from the Time of Troubles to Peter, who later became his dissertation director.²¹ Toward the end of his undergraduate days Lappo-Danilevskii met the historical sociologist Kareev, whose pioneering books on the French peasantry influenced Lappo-Danilevskii's subsequent investigations of the Muscovite peasantry. To these teachers in St. Petersburg must be added the influence of the jurists Chicherin and Aleksandr Dmitrievich Gradovskii, both of whom analyzed the development of Russian law in the seventeenth and eighteenth centuries.²²

As he matured in knowledge of history, Lappo-Danilevskii moved discreetly toward a moderate liberal political outlook. Probably the first steps in that direction were taken in adolescence when he read George Grote's massive history of Greece, a history that promoted ancient ideas of freedom and democracy.²³ Lappo-Danilevskii also responded to the liberalism of Chicherin, Gradovskii, Solov'ev and Konstantin Dmitrievich Kavelin, all of whom traced the progress of liberty and free individuality in Russia. Lappo-Danilevskii's unpublished *magnum opus*, which conceptualized the eighteenth century as the moment when Russia began to recognize the significance of the individual alongside the importance of the central state, showed the impact of liberal historiography upon him.

Not the least of the liberal influences on young Lappo-Danilevskii came from student peers. In 1884 his friends Aleksandr Aleksandrovich Kornilov, Dmitrii Ivanovich Shakhovskoi, and the Ol'denburg brothers Sergei Fedorovich and Fedor Fedorovich, invited him to join the Student Scientific-Literary Society of Petersburg University, a society devoted to scholarly discussion, "inspired intellectual commitment" and "humane tolerance." In 1885 he became a member of the *Priiutinskoe bratstvo*, a group including Shakovskoi, the Ol'denburgs, the Roman historian Ivan Mikhailovich Grevs, and the natural scientist Vladimir Ivanovich Vernadskii. The *priiutintsy* embodied the best traditions of the liberal intelligentsia: commitment to truth, social equality, nonviolence and the hope for political freedom to be achieved by patient labor on behalf of the people. Politically, the *priiutintsy* advocated dialogue with the regime but without compromising their ethical principles. In practice, they identified themselves with no political party, but in the late 1880s/early 1890s they did much to advance the ethos of "small deeds" liberalism among academic intellectuals. In the late 1890s Shakhovskoi became one of the principal organizers of the *Beseda* group, a pivotal agency in the genesis of the Russian liberation movement. Lappo-Danilevskii was bound to the *Priiutinskoe bratstvo* by intellectual commitment but also by his marriage to a cousin of Grevs' wife.²⁴ Membership in the circle gradually led Lappo-Danilevskii into explorations of philosophy, ethics and religion. His interest in these topics prompted him seriously to study Kantian philosophy, and familiarity with Kant's views eventually provided him with another foundation for his liberal outlook.

²¹ See E. E. Zamyslovskii, *Tsarstvovanie Fedora Alekseevicha* (St. Petersburg, 1871); idem., *Gerbershtein i ego istoriko-geograficheskie izvestiia o Rossii* (St. Petersburg, 1884).

²² See B. N. Chicherin, *Oblastnye uchrezhdeniia Rossii v XVII veke*; idem., *Opyty po istorii russkogo prava* (Moscow, 1858); A. D. Gradovskii, *Nachala russkogo gosudarstvennogo prava* (St. Petersburg, 1875 – 1883), 3 vols.; idem., *Vysshaia administratsiia Rossii XVIII stoletii i general-prokurory* (St. Petersburg, 1866).

²³ George Grote, *A History of Greece: From the Earliest Period to the Close of the Generation Contemporary with Alexander the Great* (London, 1862), 8 vols.

²⁴ Malinov and Pogodin, *Aleksandr Lappo-Danilevskii: istorik i filosof*, pp. 19–20.

After passing his master's examination in 1888, Lappo-Danilevskii taught as *Privatdozent* in the Historical-Philological Institute at St. Petersburg University. His most accomplished peer and most formidable academic rival at the university was Platonov. In certain respects the two men were much alike: both were born in the 1860s; both manifested an early love of history; both studied as undergraduates under Bestuzhev-Riumin; both concentrated on Muscovite history; both participated in student scholarly circles, for a brief time they were even friends. But the friendship soon yielded to tension. Platonov invested considerable energy in the Circle of Russian Historians, a moderately conservative group that Lappo-Danilevskii occasionally visited but in which he felt uncomfortable. Meanwhile, Platonov was excluded from the *Priiutinskoe bratstvo* whose members' noble origins and liberalism he did not share. By the early 1890s Platonov had gravitated toward a kind of empiricist factology that virtually ruled out broad historical generalizations, while Lappo-Danilevskii embraced the hope of writing history enriched by philosophical insight and social science theory. In 1891, as Rostovtsev notes, Lappo-Danilevskii referred to Platonov's group as intellectually "still-born"; that same year Platonov's wife lamented that the *priiutintsy* considered her and her husband "reactionary demons" [*temnye sily*]. These divisions hardened over time. By 1894, according to Rostovtsev, the young Aleksandr Evgen'evich Presniakov realized that Lappo-Danilevskii had classified Platonov as an "ultra-conservative." After Lappo-Danilevskii was elected an adjunct member of the Imperial Academy of Sciences in 1899, he actively avoided collaboration with Platonov. Even to mention Platonov's name in the academy's precincts was enough to enrage the otherwise mild-mannered Lappo-Danilevskii.

To be sure, the tense relationship between Platonov and Lappo-Danilevskii had a personal component. Lappo-Danilevskii was an intense introvert whose taciturnity struck the more outgoing Platonov as a sign of arrogance. Moreover, both men were professionally ambitious, and the desire to win recognition as the "leading" Russian historian in the imperial capital, a desire never far beneath the surface, unfortunately poisoned their relationship. In the words of Platonov's wife, Platonov and Lappo-Danilevskii were "two bears in one lair." But the latent political disagreements between the two scholars surely reinforced their rivalry and perhaps lay at the heart of their competition for influence: in other words, their political differences raised the competitive stakes beyond their personal fates to the destiny of Russia. Let us recall that Lappo-Danilevskii's research on eighteenth-century political ideas posited a correlation between material circumstances, religious and philosophical outlooks and attitudes toward the state. In the first decade of the new century he was intellectually interested in understanding Russia's fateful shift from religious society to secular community, from unitary centralized state to the beginnings of partnership between state and educated public. He probably expected in his lifetime to witness Russia's further transformation in the direction of freedom. In his eyes Platonov was an impediment to that transformation and therefore one of Russia's "dark forces."

Lappo-Danilevskii's closest friends did not regard him as a politician in the conventional sense of that term. Yet Rostovtsev rightly points out that after the turn of the century, when the populist Semevskii fell into political difficulties, Lappo-Danilevskii did what he could to support him. In 1905 Lappo-Danilevskii

wrote in favor of educational reform, freedom to speak and publish in the Ukrainian language, and freedom of the press. In late 1905 he joined the Kadet party, and in 1906 he stood for election to the State Council, where he demanded the abolition of capital punishment and the declaration of full amnesty for participants in the 1905 revolution. In 1917, after an eleven-year hiatus from public politics, he attended the Moscow State Convocation as a representative of the Academy of Sciences, and in November 1917 he was a principal author of the academy's protest against Bolshevik power. He called the new regime "a great disaster for Russia" and referred to the Bolsheviks themselves as "violent gangsters" [*nasil'niki*].²⁵ As Rostovtsev has discovered, Lappo-Danilevskii even took the risk in 1918 of petitioning for the release from prison of Grand Duke Nikolai Mikhailovich, the prolific royal historian and archeologist. Lappo-Danilevskii acted not out of any commitment to monarchy, but out of a belief in intellectual freedom.

V

We should not leave the subject of Lappo-Danilevskii without examining briefly his *Metodologiya istorii*. In it Lappo-Danilevskii posited as the object of historical knowledge "humanity as a whole," in particular humanity conscious of absolute values such as liberty, justice and the good. He approved research devoted to narrower subjects – national histories or social classes, for example – but he expected historians to connect their conclusions about these smaller subjects to broader subjects and ultimately to the history of humanity as a whole. To describe distinctive approaches to the writing of history Lappo-Danilevskii adopted terminology used by the German critics of positivism Wilhelm Windelband and Heinrich Rickert, who divided the sciences into nomothetic (concerned with establishing regularities and defining natural laws) and idiographic (concerned with describing unique phenomena). However, Lappo-Danilevskii refused to privilege one approach over another: he insisted that each is valid within its distinctive limits and each contributes something significant to our general comprehension of humanity as a whole. A historian taking the nomothetic approach will compare a particular entity (a nation or class) with other similar entities, and will search to construct a rule or confirm the existence of a law governing the behavior of such an entity or entities over time; meanwhile, a historian taking the idiographic approach will examine a unique phenomenon but will connect its appearance to other phenomena in a chain of cause and effect, thus helping to place the phenomenon in a pattern of social evolution.

Like Kant, Lappo-Danilevskii rejected the view that an observer of a given object has direct and full access to the inner, metaphysical reality of that object; he assumed instead that an observer constructs a representation of the object and that such a representation may or may not correspond to the reality of the object. Consequently, Lappo-Danilevskii believed that historians necessarily operate in the realm of representations of the past, not in the realm of

²⁵ "Protokoly zasedanii O[bshchego] S[obraniia] [Akademii nauk] za 1917 g.," No. 306 – 307, quoted in Rostovtsev, chapter two, footnote 548; see also V. S. Sobolev, *Dlia budushchego Rossii. Deiatel'nost' Akademii nauk po sokhraneniuiu natsional'nogo i kul'turnogo nasledia. 1890 – 1930 gg.* (St. Petersburg, 2002), pp. 59–60. Rostovtsev notes that, while Lappo-Danilevskii remained categorically opposed to the Bolshevik regime, he was willing to collaborate with the new authorities in practical matters, such as the organization of archives.

metaphysical verities. However, he did not draw the skeptical conclusion that past reality itself is entirely unknowable, nor did he anticipate the post-modern conceit that one representation of past reality is as good as any other. Lappo-Danilevskii asserted that historians, as sentient beings, have the capacity to grasp at least to some degree the past behavior of other sentient beings. Our capacity to understand others depends on our empathy for them, on our ability to associate their acts with acts of our own, or to comprehend their acts by analogy to our own. As historians, our accuracy in assessing the past deeds of others will be limited not only by our psychological acuity and by the degree of our cultural comprehension but also by the finitude and nature of the written sources available to us. Thus, for Lappo-Danilevskii a crucial component of the historians' craft is the interpretation of historical sources as psychological-cultural constructs from another age.

It has often been written that Lappo-Danilevskii's *Metodologiya istorii* was a Kantian or Neo-Kantian tract about history, that it was a Russian example of the pan-European rejection of positivism that commenced in the early 1890s, and that it was doomed to lose its intellectual currency as soon as that cultural trend had run its course. There is considerable truth in this interpretation, but recent scholarship has modified it. To be sure, there were Kantian or Neo-Kantian elements in Lappo-Danilevskii's masterpiece. Most obvious among them was the distinction between reality and representation, mentioned above. A second was the identification of humanity as a whole – or rather of humanity conscious of absolute values – as the object of historical inquiry: the cosmopolitan essence of history and its connection with absolute values remind one of the categories of Kant's historicizing essay, *Was Ist Aufklärung?* A third element was the implicit teleology of history connected with consciousness of absolute values: like Kant, Lappo-Danilevskii assumed that humanity has evolved in the direction of enlightenment and freedom. A fourth element lay in Lappo-Danilevskii's commitment to the ethical proposition that historians are duty-bound to attempt to grasp the mental/cultural world of others.²⁶ Yet if Lappo-Danilevskii was strongly influenced by Kant and the German Neo-Kantians, he also learned much from the positivists, including Auguste Comte himself. As Aleksei Malinov and Sergei Pogodin have recently shown, Lappo-Danilevskii's notions of social evolution, or comparative history, of social consensus came straight from the positivists. Moreover, Lappo-Danilevskii considered his *Metodologiya istorii* an attempt to describe a science of society similar to and sometimes even identical to, sociology. As Malinov and Pogodin tartly observe, "Lappo-Danilevskii might have criticized several contradictory and illogical propositions of positivist philosophy, but he never abandoned its scholarly spirit."²⁷

For our purposes, the most striking feature of Lappo-Danilevskii's *Metodologiya istorii* is neither its Neo-Kantian framework nor is positivist residue, but its liberalism. By pointing to the absolute values – freedom, justice and the good—at the core of history's meaning and by constantly insisting that individual historical phenomena be assessed against the standard of those absolute values,

²⁶ This point is made in an excellent article by M. F. Rumiantseva, "Metodologiya istorii A. S. Lappo-Danilevskogo i sovremennye problemy gumanitarnogo poznaniia, *Voprosy istorii* no. 8 (1999), pp. 138–146.

²⁷ Malinov and Pogodin, *Aleksandr Lappo-Danilevskii: istorik i filosof*, p. 177.

Lappo-Danilevskii made history the science of liberty, the study of the realization of freedom and justice in the world. True, Kant gave philosophical foundation to that definition, and Comte drew attention to the process by which societies evolve in the direction of liberty, but Lappo-Danilevskii combined their teachings in his own distinctive manner. The liberal spirit of *Metodologiya istorii* relegated the book to the margins of historical thinking in the Stalin period but also accounted, to some degree at least, for its revival in the more favorable climate of the 1980s and 1990s.

VI

Among the major historians active in late imperial Russia Aleksandr Sergeevich Lappo-Danilevskii is perhaps the most attractive to us today. His meticulous discipline in editing sources, his wide-ranging scholarly interests, and his profound understanding of late Muscovite/early Petrine Russia naturally deserve our approbation. His selflessness in serving his colleges in the Academy of Sciences demands respect and emulation. The most admirable of his qualities, however, were his personal integrity and love of liberty. In a time when it would have been easy for him to place professional advancement above the cause of freedom, Lappo-Danilevskii chose to advance liberty by patiently committing himself to the small deeds necessary to realize that hope. Painstaking historical scholarship, teaching students at the university, helping colleagues in political difficulty, writing an arcane methodological treatise in the liberal spirit – all these activities were consistent with the convictions of the *Priutinskoe bratstvo* and with the finest traditions of the Russian intelligentsia.

May the knowledge of Lappo-Danilevskii, his intellectual background and achievements be advanced by E. A. Rostovtsev's splendid book and by others to come!

G. M. Hamburg
Claremont McKenna College

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга посвящена Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому — человеку редкой эрудиции и культуры, судьба которого неразрывно связана со служением отечественной науке. Исследование творчества этого ученого стало для автора основой для постановки ряда «вечных» вопросов. Что такое историческое познание? Какова роль науки в обществе, в развитии цивилизации? Как организована связь между наукой и философией? Как влияет социум на развитие науки? Как влияет личность ученого на научное знание? Автор далек от претензий дать «конечные» ответы на них. Моя цель иная — путем реконструкции творческого пути выдающегося ученого расширить поле возможных ответов и наметить свою версию истории российской исторической науки «эпохи А.С.Лаппо-Данилевского». Но почему именно А.С.Лаппо-Данилевский? Ответом на вопрос, конечно, может служить только сама эта книга. Однако, предваряя изложение, отмечу, что этот человек не только находился в центре борьбы идей, самолюбий, ученых корпораций своей эпохи, но был одним из немногих мыслителей, выработавших исключительно целостный взгляд на современную ему историческую науку. Иными словами, изучение творчества А.С.Лаппо-Данилевского — очень удачная точка отсчета для поиска ответов на заданные вопросы.

Любое *научное* предприятие, по определению, коллективное. Эта книга не могла бы состояться без напряженного и увлекательного интеллектуального общения, которое вел автор с многочисленными коллегами. Среди собратьев по цеху, которые вольно или невольно содействовали написанию этой работы советами, замечаниями, идеями, не могу не упомянуть Б.В.Ананьича, А.И.Богомолова, Л.Ю.Гусмана, А.Н.Дмитриева, Б.Б.Дубенцова, Т.Н.Жуковскую, А.Г.Закржевского, Б.С.Кагановича, Г.В.Калашникова, А.В.Карпова, А.А.Кононова, Д.Н.Копелева, М.М.Крома, Н.В.Кузнецову, С.В.Куликова, О.Ю.Куца, О.А.Логош, Е.М.Лупанову, А.В.Малинова, А.Р.Маркова, М.О.Мельцина, М.А.Морозова, В.М.Панеяха, Е.Г.Певзнер, С.А.Педана, С.Н.Погодина, Е.Р.Пономарева, И.П.Потехину, Н.И.Приймак, И.Д.Саблина, М.Б.Свердлова, А.В.Свешникова, Ф.Л.Севастьянова, С.В.Стрельникова, П.А.Трибунского, А.И.Филюшкина, А.А.Хлевава, А.Н.Цамутали, И.А.Цветкова, Н.А.Цветкову, А.В.Чекмасова, М.А.Шиб-

ева, Д.Н.Шилова, С.О.Шмидта. Список этот можно продолжить. В разное время отдельные части и положения этой работы обсуждались в разных ученых сообществах: на факультете истории Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУСПб), в Историческом обществе при ЕУСПб, на кафедре истории общественного развития Санкт-Петербургского университета водных коммуникаций, кафедре истории Санкт-Петербургского политехнического университета.

Я также благодарен руководителям тех академических структур, в которых я работал в эти годы и которые создали благоприятные условия для этого исследования, — Р.В.Дегтяревой, В.В.Лапину, В.А.Леванкову, В.М.Панеяху, С.А.Педану, С.Б.Ульяновой, Б.М.Фирсову.

Особую признательность хочу выразить В.М.Панеяху, много труда вложившему в руководство моей кандидатской диссертацией, которая явилась базой для работы над книгой. Эта монография не увидела бы свет, если бы не самоотверженные усилия одного из ее научных редакторов — П.А.Трибунского, которому, кроме всего прочего, автор обязан справками по материалам московских архивов.

Санкт-Петербург,
2003 г.

ВВЕДЕНИЕ

Источники работы. Понятие школы в исторической науке. Проблема легитимности исторической науки. Методы исследования. Петербургская историческая школа в историографии. Построение работы

Цель настоящей работы — определение роли А.С.Лаппо-Данилевского в русской исторической науке рубежа XIX–XX вв. При этом особое внимание автор уделит выяснению места А.С.Лаппо-Данилевского в ряду крупнейших петербургских историков, в рамках петербургской исторической школы. Мы старались построить исследование таким образом, чтобы именно рассмотрение контекста истории исторической науки стало отличительной чертой этой работы (одной из многих об А.С.Лаппо-Данилевском). В этот контекст мы включаем историю исторической мысли, историографию, историю научных институтов, взаимоотношения между учеными.

Для понимания роли А.С.Лаппо-Данилевского в истории отечественной науки нам казалось важным реконструировать основные элементы той научно-исследовательской программы, реализация которой стала делом жизни ученого. Поэтому в построении этой книги мы отталкивались от изучения методологических оснований творчества А.С.Лаппо-Данилевского, а это обстоятельство, в свою очередь, обусловило и сужение хронологических рамок настоящей работы. В нашу задачу не входила детальная реконструкция научной биографии ученого — объектом изучения стало в основном творчество А.С.Лаппо-Данилевского в зрелые годы (с начала 1900-х гг.), когда проходило окончательное формирование его методологической системы.

В работе использовано несколько групп источников. К первой группе следует отнести труды самого А.С.Лаппо-Данилевского. Для нас важно было связать различные типы работ ученого (по методологии, методике, технике исторического знания, конкретно-исторические исследования) для того, чтобы реконструировать единую картину его творчества. Поэтому особое внимание нами было уделено работам, занимающим, на наш взгляд, наиболее важное место в каждой из указанных областей творчества ученого: «Методологии истории»,¹ «Очерку русской дипломатики

частных актов»,² «Правилам издания грамот Коллегии экономии»³ и «Истории русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв.»⁴ Естественно, вне поля нашего зрения не остались и другие научные работы А.С.Лаппо-Данилевского,⁵ в монографии также широко использовались многочисленные рецензии на научные труды, отзывы о деятельности ученых, некрологи, которые А.С.Лаппо-Данилевский писал по поручению Академии наук.

Ко второй группе источников мы относим историографические источники: научные труды современников А.С.Лаппо-Данилевского, в том числе рецензии на произведения ученого; работы, в которых дана общая характеристика исторической науки или творчества А.С.Лаппо-Данилевского, работы, посвященные памяти А.С.Лаппо-Данилевского. Эти источники стали основными для уяснения позиции А.С.Лаппо-Данилевского в историографии и места его теоретических и методологических взглядов в истории исторической мысли. Наибольшее значение для нашего исследования, как правило, имели показания тех историографических источников, создатели которых, наряду с А.С.Лаппо-Данилевским, определяли ход и направление развития отечественной исторической науки начала XX в. Так, важно было выяснить отношение к творчеству А.С.Лаппо-Данилевского П.Н.Милюкова,⁶ А.Е.Преснякова,⁷ И.М.Гревса,⁸ Л.П.Карсавина,⁹ Н.И.Кареева¹⁰ и других.

К третьей группе источников можно отнести документацию нормативного и делопроизводственного характера. Показания этих источников способствовали выяснению порядка функционирования научных институтов (государственных учреждений и научных обществ), что являлось важным условием восстановления целостной картины научно-административной деятельности А.С.Лаппо-Данилевского. В эту группу необходимо включить уставы научных учреждений и обществ, протоколы их заседаний, служебные инструкции и записки, постановления и решения, иную делопроизводственную документацию. Особое значение имеют «Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Академии наук» (ИФО).¹¹ Этот источник содержит ценную информацию о распорядке работы III отделения Академии (ИФО), к которому принадлежал А.С.Лаппо-Данилевский, подробные сведения практически обо всех вопросах, обсуждавшихся на его заседаниях, материалы проходивших дискуссий и все основные решения, касавшиеся жизни отделения. Показания протоколов историко-филологического отделения Академии, наряду с другими материалами, послужили необходимой основой реконструкции хода академической деятельности А.С.Лаппо-Данилевского.

Четвертая группа использованных источников — мемуары и переписка. С нашей точки зрения, эти источники наиболее важны для реконструкции личных отношений ученых. Мемуарные источники, использованные в работе (в частности, мемуары С.Ф.Платонова,¹² И.М.Гревса,¹³ В.Г.Дружинина¹⁴) по своему характеру, с одной стороны, примыкают к историографическим источникам, с другой — к переписке. Показания, извлеченные из мемуаров и переписки, служили, прежде всего, для реконструкции личных и научных отношений А.С.Лаппо-Данилевского с

его коллегами и учениками. Так, сведения, почерпнутые из писем¹⁵ двух лидеров петербургской исторической школы — С.Ф.Платонова и А.С.Лаппо-Данилевского, — позволили автору предпринять попытку реконструкции истории их взаимоотношений. Также особо хотелось бы отметить и другой комплекс эпистолярных источников — письма А.Е.Преснякова к матери и жене.¹⁶ Его уникальная особенность в том, что показания этого комплекса источников рисуют целостную картину взаимоотношений петербургских историков рубежа веков. Ценнейшим источником по истории отечественной исторической науки XIX — начала XX вв. является дневник Н.Н.Платоновой (жены С.Ф.Платонова),¹⁷ который ранее практически не привлекал внимания исследователей.

В XX веке, в условиях постепенного отказа от кумулятивистского понимания истории науки (согласно которому фундаментальные основоположения научного знания имеют абсолютный и вечный характер) основной задачей науковедения стал поиск новых инструментов для объяснения процесса эволюции науки.¹⁸ Закономерно в этой связи, что проблема «научной школы» — одна из центральных для истории любой отрасли знания. Не является исключением и историческая наука. Не случайно, что уже со второй половины XIX в., с началом становления собственно научной историографии, возникает интерес к понятию «научная школа». Так или иначе схолярная проблематика затрагивалась в трудах В.О.Ключевского, П.Н.Милюкова, А.С.Лаппо-Данилевского, Д.И.Багаля и других крупнейших дореволюционных историков.¹⁹ Созданный в более позднее время классический учебник по русской историографии историка-эмигранта Г.В.Вернадского (1978),²⁰ по существу, построен именно по принципу рассмотрения истории научных школ. Значительное место в нем уделено и петербургской школе, к которой автор относит учеников С.Ф.Платонова.²¹ В советской исторической науке долгое время делался акцент на политический и философский критерии рассмотрения историографии. Особый интерес к понятию «историческая школа» среди российских историков возник только во второй половине 1980-х — 1990-е гг. По-видимому, это обстоятельство следует связать с общим пересмотром парадигм отечественной историографии, обусловленным отказом от прежних идеологических ориентиров в науке.

Следует оговориться, что само понятие научной школы в исторической науке уже длительное время является предметом дискуссии в науковедении. Еще в работе 1978 г. И.Л.Беленький подчеркнул, что основания наименований исторических школ в отечественной историографии различны, указав, что в их основе лежат «разнородные политическая, социальная общемировоззренческая платформы, объединяющие группы историков; философские и историософские взгляды; метод исследований; суть концепции; предметная область исследований; профессионализм; связь с университетами и другими формальными коллективами; персонологичность (в имени школы закрепляется имя ее основателя); объективированное (уже в виде историографического исследования) понимание исторической роли того или иного сообщества историков». И.Л.Беленький также справедливо констатировал, что «сложившаяся к

настоящему времени в исторической науке мозаика имен, денотаты которой часто перекрещиваются, налагаются друг на друга, отражает, фиксирует различные по времени и по природе имена».²² Дискуссии более позднего времени вряд ли изменили положение вещей. Их обзоры приводятся в работах Г.П.Мягкова,²³ С.П.Бычкова и В.П.Корзун,²⁴ С.И.Михальченко,²⁵ С.Н.Погодина²⁶ и других авторов. На сегодняшний день мы вынуждены констатировать крайнюю расплывчатость категории исторической школы вообще, петербургской в частности. Например, С.И.Михальченко путь из тумана расплывчатых определений видит в выработке «иерархии критериев» в изучении феномена школы. Эта иерархия, по мнению С.И.Михальченко, может быть следующей: 1) «педагогическое общение как следствие отношений основателя школы и его учеников»; 2) «методы и принципы обработки источников»; 3) «методологическая (теоретическая, философская) общность»; 4) «близость в конкретно-исторических построениях и тематике исследований».²⁷ В целом путь, предложенный С.И.Михальченко, кажется перспективным при изучении «образовательных» школ. Однако очень часто научная школа понимается не в образовательном смысле, а как направление в науке, и здесь иерархия критериев может быть иной. Не случайно, что целый ряд авторов, анализирующих базовые вопросы развития отечественной исторической науки конца XIX — начала XX вв., до сих пор по существу предпочитают избегать обсуждения самой проблематики «петербургской школы».²⁸ По-видимому, отмеченные методологические трудности обусловлены как множественностью подходов к понятию «научная школа» в науковедении, так и недостаточной легитимностью истории как научной дисциплины. Можно только согласиться с мнением А.Н.Шаханова о том, что «понятие гуманитарной научной школы вследствие индивидуалистического характера исследовательского труда в этой области человеческих знаний сложно и многозначно, поэтому едва ли возможно дать ей четкое и всеохватывающее определение».²⁹

Сборник «Школы в науке» (1977),³⁰ который является своеобразным итогом дискуссии в отечественном науковедении 1960-х — 1970-х гг., показал множественность подходов к определению «научная школа». Обоснованным выглядит мнение одного из участников сборника, отметившего, что можно сформулировать понятие о научной школе как эмпирическом обобщении, но единые теоретические критерии для определения этого понятия найти сложно.³¹ Один из авторов сборника В.Б.Гасилов приводит порядка 30 определений понятия «школа», существующих в науковедении.³² Как известно, на разработку проблемы научной школы значительное влияние оказали общие модели развития научного знания К.Поппера, И.Лакатоса, Т.Куна и выдвинутые ими концепции «научно-исследовательских программ», «парадигм», «матрицы»,³³ ориентированные на негуманитарные науки. Этим во многом можно объяснить и то обстоятельство, что западное науковедение,³⁴ социология и философия науки, разрабатывающие проблему научных школ, основное внимание уделяли изучению этого понятия на материале истории естественных и точных областей знания.³⁵ Среди гуманитарных дис-

циплин в большей степени разрабатывалось понятие «школа» в лингвистике, психологии, социологии и литературоведении, т.е. в тех областях знания, где определенные «школы» (научно-исследовательские программы) сыграли решающую, институционализирующую роль в оформлении соответствующих научных дисциплин.³⁶ История как наука, которая на протяжении уже двух столетий обладает прочным академическим статусом, в меньшей степени нуждалась в разработке этого понятия, тем более что исторические школы, начиная с Л. фон Ранке и заканчивая «школой Анналов», скорее означали начало нового этапа развития предшествующей традиции. В России долгое время ситуация осложнялась тем, что марксистская философия науки и науковедение предельно жестко уязвляли развитие научно-исследовательских программ в гуманитарных науках с процессом социально-экономической эволюции общества.³⁷ В этих условиях детальная теоретическая разработка понятия научной школы в исторической науке была невозможна.

Особо следует упомянуть о сложностях, связанных с проблемой легитимности исторической науки как таковой. Очевидно, что описание «истории истории» языком современного историка неразрывно связано с его собственным представлением о предмете и задачах этой науки (вероятно, расходящимся с представлением о науке, например, основного героя этой книги — А.С.Лаппо-Данилевского). Для любого историка (не говоря уже об историографе) это тема болезненная, с тех самых пор как история стала претендовать на научность. Например, автор хрестоматийного определения петербургской школы А.Е.Пресняков в 1893 г. писал: «Если у меня дело не налаживается, то это... по причинам чисто научным. Наша наука — вовсе не наука и я мучаюсь над попытками выделить из ее задач то, что хоть сколько-ниб[удь] научно. То, что пишут по исторической методологии — довольно жидко. Эти пункты меня заняли настолько, что я согласился... что я лучше чувствовал бы себя в математике».³⁸ Действительно, широко распространенный тезис об эклектичности исторической методологии, который отчасти и нами разделяется, не дает возможности пройти мимо упоминания проблемы «научности» исторического знания и, как следствие, законности, например, постановки вопроса о «научной школе» в истории.

Постмодернистский вызов в целом поставил под сомнение все прежние представления о статусе гуманитарного научного знания (впрочем, не только гуманитарного).³⁹ Под особый удар вновь попала история, которая, согласно логике постмодернизма, оказывается не более чем «нарративом». Г.Зиммель, Э.Дюркгейм, О.Шпенглер, Б.Кроче, М.Хайдеггер, Р.Коллингвуд, М.Фуко, Х.Уайт и десятки других менее значительных авторов помимо своей воли создали цитатник интеллектуальных конструктов, который дамкловым мечом нависает над современной историографией. Однако непродуктивной и даже забавной представляется позиция как тех коллег, которые сегодня ужасаются постмодернистскому вызову, так и тех, кто почти откровенно предлагает капитулировать перед ним. Примечательно при этом, что итогом интеллектуальных спекуляций XX века становится постоянное возвращение по существу к основной проблеме

исторической науки: построение исторического целого (макросхем) посредством микроанализа, т.е. от индивидуального к общему.⁴⁰ Таким образом, сциентистская ориентация истории очевидна в той же мере, как и недостижимость такого идеала для историков. Профессионал, претендующий на занятия историей в рамках научной корпорации, принужден а priori считать ее наукой независимо от своих собственных интеллектуальных спекуляций и, следовательно, соблюдать определенные правила, принятые в любом научном сообществе, и требования, предъявляемые к научному мышлению. Как кажется, историкам следует развести дискуссии о границах предмета истории и характере ее теории и собственно о ее легитимности как науки.

Таким образом, вопрос об инструментах, которые историк исторической науки может считать пригодными для исследования феномена «школы», непростой. Возможно, продуктивными являются попытки анализировать конкретные сюжеты истории научных школ не с позиций конкретных социологических конструктов, а используя глобальные модели философии науки (в том числе разработанные К.Поппером,⁴¹ Т.Куном,⁴² П.Фейерабендом⁴³ и др.). Мы сможем не только описать результаты исследования с помощью общих категорий, предложенных философами науки («научная революция», «фальсифицируемость теории», «экстернализм», «интернализм» и т.п.), но и использовать их как инструмент, обеспечивающий единство интриги исследования. Важно и то, что, поскольку эти конструкты с очевидностью применимы к истории как области знания, то мы с полным основанием имеем право принять историю если не как науку, то как модель науки и с соответствующей серьезностью относиться к этому виду интеллектуальной деятельности. Что же касается терминологии, связанной с обозначением конкретно-исторических явлений через социологические категории, то, как кажется, использовать ее в историческом исследовании необходимо с осторожностью.

Здесь нельзя также не упомянуть об исторической антропологии, призванной, по определению одного из сторонников этого направления, «обратиться к изучению повседневности, жизненной практики в различных ее формах, дополнить историю учреждений, законоположений и больших социальных групп “человеческим измерением”».⁴⁴ Казалось бы, в этой связи, что центральной для понимания проблематики научной школы может стать разработка проблем исторической антропологии науки. Считается, что историческая антропология занялась рассмотрением этой сферы с начала 1980-х гг.⁴⁵ По мнению Д.А.Александрова, впервые обратившегося с позиций этого исследовательского подхода к российскому материалу, задача историко-антропологического направления — «изучать науку как быт людей, именующих себя учеными».⁴⁶ В то же время можно спорить о том, в какой степени согласованы различные элементы методологии этого направления (восходящие даже в своей терминологии к различным социологическим и философским парадигмам), хотя его проблематика является захватывающе интересной: история отношений власти и подчинения в науке, ритуалов, научных кружков, «патронажа науки», «повседневности научного учреждения», «научных практик»,

«жизненных миров» ученых.⁴⁷ Не отрицая несомненной перспективности исследования данной тематики, можно заметить, что перечисленное по преимуществу касается *форм* организации научного познания и общения ученых между собой и с обществом, в связи с этим пока не ясно, в какой степени эти социологические конструкты применимы для характеристики конкретно-исторического содержания развития науки. Противопоставляя историческую антропологию социологии науки, Д.А.Александров отмечает, что последняя, «осудив объективизм науки, сохранила его для себя в полной мере», и «социолог, объясняющий конструирование знания учеными, как бы повторяет ученого, разоблачающего фокусника или спирита». Что же касается исторической антропологии, то она, по его словам, ставит задачу «понимания других культур и других форм жизни» «и тем самым признает право этих форм жизни на существование».⁴⁸ Однако очевидно, что подобное впечатление создается зачастую лишь внешне, за счет методологического эклектизма, в условиях отказа исследователя от системного анализа, а потому и может быть обманчивым. В то же время отказаться от антропологического подхода в изучении истории научных школ вряд ли возможно, поскольку только исследование «субъективного фактора» часто позволяет выявить те скрытые пружины внутринаучных взаимоотношений, которые подвигали ученых на конструирование собственных исследовательских парадигм и научно-исследовательских программ. Поэтому личность ученого, его мировоззрение, круг общения, внутренний мир, характер — неотъемлемые компоненты объекта исследования.

В условиях отсутствия общепризнанных критериев оценки «школы» в исторической науке особое значение для понимания феномена петербургской школы приобретают те объяснения и определения ее характера, которые присутствуют в современной историографии. Иначе говоря, при постановке нашей темы нельзя уклониться от попытки ответить на вопрос, что думают историки о петербургской исторической школе и почему они так думают?

С точки зрения изучения проблемы петербургской школы можно указать на работы А.Н.Цамутали, С.В.Чиркова, Б.В.Ананьича, В.М.Панеяха, С.О.Шмидта, В.С.Брачева, М.Б.Свердлова, Б.С.Кагановича, С.Н.Погодина, О.М.Медушевой, В.П.Корзун и других авторов.⁴⁹ На первом этапе исследователи, как правило, ограничивались общими указаниями на существование школы, не давая подробного анализа этого явления. Только с конца 1990-х гг. появляются попытки комплексного осмысления понятия «петербургская школа». Уже сегодня можно указать на ряд основных позиций по отношению к петербургской школе.

Среди историографических источников в современной историографической литературе ведущее значение придается суждениям, высказанным в первой половине прошлого века (прежде всего П.Н.Милуковым,⁵⁰ А.Е.Пресняковым⁵¹ и С.Н.Валком⁵²).

А.Е.Пресняков вводит термин «петроградская историческая школа» в определенном историографическом контексте, связанном с анализом научной литературы по истории России XIII–XV вв. В речи перед защитой

диссертации «Образование Великорусского государства» (1918) А.Е.Пресняков развивает свои историографические наблюдения, помещенные в начале представляемой работы. Эти наблюдения, содержащиеся в предисловии и введении приводят автора к выводу о научной уязвимости традиции историко-юридической школы С.М.Соловьева — В.О.Ключевского. А.Е.Пресняков пришел к выводу, что подбор фактов и интерпретация источников в трудах представителей этой школы вторичны и подчинены теории, социологической схеме. Напротив, А.Е.Пресняков предпринял попытку восстановить, по его словам, «права источника и факта». Однако, если в тексте монографии (диссертации) А.Е.Пресняков ограничивается противопоставлением методологии своих научных штудий предшествующей традиции, то в речи перед защитой он объясняет это противопоставление своей принадлежностью к «петроградской исторической школе»: «<...> пришел я к попытке пересмотра некоторых основных вопросов русской истории в духе воспитавшей меня исторической школы». А.Е.Пресняков отмечает, что ее характерной чертой был «научный реализм, сказывающийся, прежде всего, в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту вне зависимости от историографической традиции». Таким образом, складывается ситуация, при которой А.Е.Пресняков противопоставляет две исторических школы (московскую — историко-юридическую и петербургскую), заявляя, между тем, о существовании (до него) лишь одной, критикуемой им, историографической традиции (историко-юридической). Такая точка зрения по своей сути парадоксальна: если петербургская школа не дала до А.Е.Преснякова историографической традиции, альтернативной традиции московской школы, то почему методология исследования петербургской исторической школы представляется более научно обоснованной и независимой от историографической традиции? Ответ на этот вопрос содержится в рассуждениях самого А.Е.Преснякова, направленных против «строителей исторических теорий». Различие заключалось прежде всего в направленности исследовательской работы: у московских историков — общие построения при недостаточном внимании к критике источников, у петербургских — сосредоточение внимания на источниках при (и об этом А.Е.Пресняков умалчивает) невнимании к общим построениям. А.Е.Пресняков же выходит за традиционные установки петербургской исторической школы и предлагает схему исторического процесса альтернативную схемам московской исторической школы. «Это тоже схема, — пишет А.Е.Пресняков о своей концепции, — но в ней вижу законное преобладание роли материала».

В своих рассуждениях А.Е.Пресняков отождествляет понятие петербургской исторической школы со школой С.Ф.Платонова. Это положение повторяется и в его книге об А.С.Лаппо-Данилевском. Однако в последнем сочинении историографические позиции А.Е.Преснякова претерпевают значительные изменения. Он решительно отделяет историко-юридическую школу, к которой относит А.С.Лаппо-Данилевского, от московской. Позиции А.С.Лаппо-Данилевского А.Е.Пресняков противопоставляет установкам как московской, так и петербургской исторической школы.

Одновременно, в статье В.И.Невского, начинает формироваться и иная линия, рассматривающая творчество А.С.Лаппо-Данилевского как представителя петербургской исторической школы.⁵³

Другим важным историографическим источником, повлиявшим на формирование понятия «петербургская историческая школа», стали высказывания П.Н.Милокова. Впервые проблему петербургской школы П.Н.Милоков поднял еще в начале 1890-х гг., уже тогда весьма критически охарактеризовав это ученое направление.⁵⁴ Но наибольшее влияние на литературу оказали его суждения относительно петербургской исторической школы, высказанные в четвертой части его воспоминаний («От студента к учителю и к ученому») в главе «Петербург и заграница». Эти воспоминания писались во Франции в конце жизни в 1939–1940 гг. Поэтому неудивительно, что ряд деталей, в том числе и связанных с общением с петербургскими коллегами, представлен подчас неточно, однако для нас важен тот общий образ петербургской исторической школы, который вынес П.Н.Милоков из общения со столичными историками в конце 1880-х – начале 1890-х гг. Следует учитывать и то, что по своему характеру это тот вид исторической рефлексии, который уже приближается к ретроспективным историографическим суждениям, особенно для нас интересным. Они представляют образ исторической школы, которая: 1) основное внимание уделяла источникам; 2) остановилась на изучении древнейшего времени; 3) подверглась к 1890-м гг. сильному влиянию московской исторической школы; 4) продолжала эволюционировать в этом направлении, в чем особенно преуспели представители молодого поколения петербургских историков (среди которых П.Н.Милоков особо выделял С.Ф.Платонова, А.С.Лаппо-Данилевского, А.Е.Преснякова, Н.П.Павлова-Сильванского). Из текста «Воспоминаний» следует, что П.Н.Милоков, по-видимому, имел в виду именно их, когда писал о «молодых сторонниках московского направления».⁵⁵

В учебнике по русской историографии (1941) Н.Л.Рубинштейн использует понятие «московская школа историков» (которая в его изложении с определенными оговорками отождествляется со школой В.О.Ключевского),⁵⁶ однако воздерживается от термина «петербургская школа», подчеркивая, что «историческая работа в Петербургском университете развивалась... под воздействием различных скрещивающихся влияний»,⁵⁷ в числе которых он выделяет влияние «официального направления» (К.Н.Бестужев-Рюмин), «буржуазного экономизма» (В.О.Ключевский), «источниковедческого направления» (В.Г.Васильевский, К.Н.Бестужев-Рюмин, А.А.Шахматов).⁵⁸

В некотором роде все эти противоречивые представления объединены в статье С.Н.Валка. По сути, все основные положения автора представляют определенные методологические основания дореволюционной петербургской исторической науки, важным итогом которой стала деятельность А.Е.Преснякова, давшего определение петербургской научной традиции в противовес московской. С.Н.Валк указывает на это, идя дальше А.Е.Преснякова и замечая: «Все предшествующее наше изложение,

как кажется, должно послужить к некоторому расширению представленной об истоках и началах петербургской исторической школы “научного реализма”, в составе которой В.Г.Васильевский является представителем уже среднего поколения». К следующему поколению С.Н.Валк явно относит как А.Е.Преснякова, так и своего учителя А.С.Лаппо-Данилевского. К сожалению, эта статья – лишь иллюстрация завуалированно высказанной точки зрения о научном значении методологии петербургской исторической школы: общественно-политическая ситуация не давала ученому возможности открыто поставить проблему и провести ее научный анализ.

В статьях, посвященных анализу творчества А.С.Лаппо-Данилевского (1949)⁵⁹ и А.Е.Преснякова (1950),⁶⁰ Л.В.Черепнин подверг резкой критике построения Н.Л.Рубинштейна и С.Н.Валка. Примечательно, что Л.В.Черепнин не подвергал сомнению определение петербургской школы, данное А.Е.Пресняковым, однако утверждал, что «проявление указанных традиций дореволюционной “петербургской исторической школы”... являлось показателем кризиса буржуазной исторической мысли, бессильной дать широкие исторические обобщения подлинно научного характера».⁶¹ Неудивительно, что после подобных оценок, данных лидером советской исторической науки петербургской исторической школе, историографы предпочитали воздерживаться от анализа этой проблемы.

В зарубежной историографии проблема петербургской школы тоже специально не изучалась, хотя этот термин и присутствовал на историографическом фоне. Г.П.Федотов в известной статье «Россия Ключевского» (1932)⁶² подчеркивает связь идей школы В.О.Ключевского с общей тенденцией русской общественной мысли, политическим и радикальным выражением которой был марксизм. Как считает Г.П.Федотов, к школе В.О.Ключевского принадлежат «все московские и петербургские историки последних десятилетий». По словам Г.П.Федотова, «глава петербургской школы Платонов» лишь «усовершенствовал схему Ключевского, продвинулся дальше его – в том же направлении». В то же время автор статьи указывает на особое место А.С.Лаппо-Данилевского по отношению к школе В.О.Ключевского: «В стороне стоял Лаппо-Данилевский, человек огромной культуры, мысливший в терминах философского идеализма, которого обесплодило собственное богатство». «Придавленный критицизмом, – пишет далее об А.С.Лаппо-Данилевском Г.П.Федотов, – он не мог отважиться на историческое построение в большом стиле и воспитал целую школу скрупулезных дипломатистов и архивистов, русскую *École des Chartes*».⁶³ Схожие взгляды на фигуру В.О.Ключевского и значение его школы выражал Г.В.Вернадский, который, хотя и использовал понятие «московская» и «петербургская» школы, но употреблял их в ограниченном «учительско-ученическом» смысле: школа В.О.Ключевского и школа С.Ф.Платонова.⁶⁴

Под воздействием работ русских эмигрантов (в определенной степени и советской историографии) формировалось понимание понятия «петербургская школа» и в новейшей западной историографии. В этом отношении показательна статья Т.Эммонса «Ключевский и его ученики»

(1990). В ней автор подчеркнул, что влияние В.О.Ключевского на «русскую историографию конца XIX — начала XX века было всеобъемлющим», по его словам, «это становится очевидным, если обратиться к работам таких выдающихся представителей “петербургской школы” как С.Ф.Платонов и А.С.Лаппо-Данилевский», и потому даже призвал отказаться от «терминов» «московская школа» и «школа Ключевского».⁶⁵

Таким образом, понятие школы в историографии долгое время рассматривалось скорее с точки зрения «истории идей» и проблематики исследований, нежели анализа специфики научной методологии.

А.Н.Цамутали первым в новейшей отечественной исторической литературе поставил проблему петербургской школы и ее отношения к московской исторической школе. В монографии «Борьба направлений в русской историографии в период империализма» (1986)⁶⁶ в очерках, посвященных С.Ф.Платонову и А.С.Лаппо-Данилевскому, А.Н.Цамутали рисует общую схему развития петербургской школы, опираясь прежде всего на рассуждения А.Е.Преснякова и П.Н.Милюкова. При этом А.Н.Цамутали замечает, что «резко противопоставляя “московскую” и “петербургскую” школы, Милюков прибегал к известному упрощению общей картины, рисовавшей положение дел в русской исторической науке. Впрочем, и в его трактовке московские и петербургские историки не являли собой по отношению друг к другу некую крайнюю противоположность».⁶⁷ Автор имеет в виду мнение П.Н.Милюкова о том, что С.Ф.Платонов выступал «в роли носителя компромиссных традиций между двумя школами».⁶⁸ По-видимому, А.Н.Цамутали разделяет эту точку зрения, вслед за П.Н.Милюковым отмечая, что петербургская школа «даже после того как подверглась влиянию московской, сохранила связь с взглядами старшего поколения».⁶⁹ Вслед за А.Е.Пресняковым А.Н.Цамутали подчеркивает обособленное положение А.С.Лаппо-Данилевского и его школы по отношению «к школе Петербургского университета» во главе с С.Ф.Платоновым,⁷⁰ показывает критическое отношение А.С.Лаппо-Данилевского к московской исторической школе (В.О.Ключевского).⁷¹ В то же время автор выдвигает гипотезу о «влиянии А.С.Лаппо-Данилевского» на С.Ф.Платонова в области теории источниковедения, в частности в вопросе о «внутренней критике источника».⁷²

В целом ряде своих статей, появившихся в печати в 1990-е гг., А.Н.Цамутали развил идеи относительно петербургской школы. В статье «Особенности развития русской историографии в конце XIX — начале XX века» (1993) он обозначил проблематику предстоящих солярных исследований: изучение особенностей московской и петербургской школ; изучение процесса их сближения и взаимовлияния в конце XIX — начале XX вв., изучение связи «дореволюционных школ» с историографией советского периода.⁷³ В статье «В.О.Ключевский и петербургские историки» (1995)⁷⁴ автор исследует тему взаимоотношений историков петербургской школы с Ключевским, лидером московской исторической школы. А.Н.Цамутали приходит к выводу, что характер высказываний о творчестве В.О.Ключевского со стороны петербургских историков был различным: «сдержанно-критическим» у К.Н.Бестужева-Рюмина, «почтительным»

у С.Ф.Платонова, «заинтересованно критическим» у А.С.Лаппо-Данилевского и А.Е.Преснякова. Автор отмечает, что идеи и труды В.О.Ключевского «в той или иной форме оказали большое воздействие на петербургских историков».⁷⁵ В биографическом очерке С.Ф.Платонова, помещенном в первом томе издания документов по «Академическому делу» (в соавторстве с Б.В.Ананьичем и В.М.Панеяхом) особо подчеркивается роль С.Ф.Платонова в создании петербургской исторической школы.⁷⁶ Эту тему А.Н.Цамутали развивает и в статье «Глава петербургской исторической школы: Сергей Федорович Платонов» (1996).⁷⁷

В статье «Археография и школы в русской исторической науке XIX — начала XX века» (1989)⁷⁸ С.В.Чирков детально рассмотрел вопрос о значении школы А.С.Лаппо-Данилевского и основанной им археографической традиции, развивая свои более ранние наблюдения.⁷⁹ Изучая научную деятельность А.С.Лаппо-Данилевского в рамках петербургской школы, автор подчеркивал его отличие как от традиции московской школы, так и от направления С.Ф.Платонова. С.В.Чирков вслед за С.Н.Валком противопоставлял строго научное направление А.С.Лаппо-Данилевского «художественному» направлению С.Ф.Платонова и считал, что «у С.Ф.Платонова была по преимуществу учебная школа, а А.С.Лаппо-Данилевский выступил как организатор классической научно-исследовательской школы».⁸⁰

На постановку проблемы школы в статье Т.Эммонса отреагировал Д.А.Гутнов, который указал, что наиболее частым критерием выделения школы все же являются «методические приемы, объединяющие группу исследователей», и с этой точки зрения рассмотрев теоретические взгляды ряда ученых Московского университета конца XIX — начала XX века (в том числе В.О.Ключевского, П.Г.Виноградова, П.Н.Милюкова, М.М.Богословского и др.), пришел к выводу о «единстве методологической базы» их научных трудов, в основе которой было «рассмотрение истории с концептуальных позиций позитивизма», вера в возможность объективного познания и объяснения прошлого, что определяло «очень внимательное отношение к историческому источнику... его скрупулезный анализ и тщательность сделанных на его основе выводов».⁸¹

Б.В.Ананьич и В.М.Панеях следуют в своих рассуждениях за А.Н.Цамутали и С.В.Чирковым, однако для их работ характерно стремление не только указать на общее направление петербургской школы, но и дать развернутую характеристику ее истории и научного метода. В решении этой задачи Б.В.Ананьич и В.М.Панеях, главным образом, опираются на анализ рассмотренных выше историографических источников⁸² и подчеркивают, вслед за А.Е.Пресняковым, что основной чертой «петербургской школы» был «научный реализм, сказывавшийся прежде всего в конкретном непосредственном отношении к источнику и факту — вне зависимости от историографической традиции». Наиболее полно точка зрения авторов нашла отражение в их совместной статье «О петербургской исторической школе и ее судьбе» (2000).⁸³ Авторы фактически солидаризируются с А.Е.Пресняковым, противопоставляя петербургскую школу московской, которую он, по их словам, отождествлял с «юриди-

ческой» и которая «отличалась большей идеологизированностью и склонностью к систематизации».⁸⁴ Б.В.Ананьич и В.М.Панеях также усматривают сходство между московской школой и школой М.Н.Покровского, подчеркивая, что последний получил образование в Московском университете. Характеризуя школу М.Н.Покровского, авторы отмечают: «В противоположность принципам петербургской исторической школы, она основывалась не на анализе источников и установленных в результате него фактах, а на заранее заданной схеме, доктрине, теоретических построениях. Этим новая историческая школа внешне походила на московскую, но теория, положенная в ее основу, была резко противопоставлена исторической науке дореволюционного периода, а следовательно, обeim старым школам — и петербургской, и московской. На смену гегельянству, позитивизму и неокантианству пришел марксизм в его ленинском толковании, правда, опиравшийся на спекулятивно интерпретированную диалектику Гегеля».⁸⁵ Авторы, по существу, не оставляют московской школе никаких профессиональных черт, кроме обращения к философским системам для осмысления истории. К числу представителей петербургской исторической школы Б.В.Ананьич и В.М.Панеях причисляют В.Г.Васильевского, К.Н.Бестужева-Рюмина, С.Ф.Платонова, А.С.Лаппо-Данилевского, И.М.Гревса, С.Ф.Ольденбурга, Г.В.Форстена, С.В.Рождественского, А.Е.Преснякова, Н.П.Павлова-Сильванского, Б.А.Романова и других историков рубежа веков. Таким образом, в историографическом анализе Б.В.Ананьича и В.М.Панеяха сочетаются идеи Г.П.Федотова об общественной ангажированности московской школы (в противоположность петербургской) и идеи С.Н.Валка о специфике научного метода петербургской школы. Комплексный подход авторов к проблеме является несомненным достоинством их построений. Некоторая уязвимость концепции Б.В.Ананьича и В.М.Панеяха видится нам, прежде всего, в ограниченности источниковой базы их построений. Отталкиваясь от одних высказываний А.Е.Преснякова, исследователи порой игнорируют другие. Так, в известной работе, посвященной А.С.Лаппо-Данилевскому (1922), А.Е.Пресняков резко отделяет историко-юридическую школу от московской.⁸⁶ В той же работе А.Е.Пресняков подчеркивает, что А.С.Лаппо-Данилевский был независим как от петербургской исторической школы,⁸⁷ так и от московской (В.О.Ключевского).⁸⁸ Кроме того, А.Е.Пресняков противопоставил позицию представителя московской школы П.Н.Милокова позиции А.С.Лаппо-Данилевского как представителя историко-юридической школы.⁸⁹ Авторы проходят также мимо, например, критики суждений А.Е.Преснякова об исторических школах в российской исторической науке в его речи при защите докторской диссертации со стороны С.В.Рождественского (один из официальных оппонентов, также ученик С.Ф.Платонова), который оспорил утверждение диспутанта о том, что история Северо-Восточной Руси была подчинена в исследованиях его предшественников некой схеме,⁹⁰ ведь, как подчеркивал С.В.Рождественский, «читатель [диссертации А.Е.Преснякова. — *Е.Р.*] не выносит впечатления, что история северо-восточной Руси стала “жертвой” схемы, которая уже около полувека залегает, как магистрал все

развития русской исторической науки. Из тех же замечаний автора не видно, каким бы иным, более нормальным, по его мнению, путем могла пойти наука... В каком беспомощном положении оставалась бы наука без тех схем и теоретических подходов, в котором автор односторонне усматривает источник рокового заблуждения».⁹¹

Проблемы взаимоотношений внутри петербургской исторической школы В.М.Панеях затронул в своей монографии, посвященной жизни и творчеству Б.А.Романова.⁹² Б.А.Романов а priori рассматривается как представитель петербургской исторической школы.⁹³ В.М.Панеях подробно дает характеристику этой школы, основываясь на нескольких историографических источниках (упомянутые высказывания А.Е.Преснякова, П.Н.Милокова и С.Н.Валка).⁹⁴ В книге ярко показана настороженность Б.А.Романова по отношению к «москвичам». В.М.Панеях считает, что и в конце 1940-х гг. именно «петербургская историческая школа оказалась особым объектом разностной критики».⁹⁵ Вообще сущность метода Б.А.Романова как представителя школы определена автором прежде всего как продолжение метода учителя — А.Е.Преснякова.⁹⁶ В.М.Панеях постоянно подчеркивает вслед за своим героем, что задачей Б.А.Романова было «возведение плотины из фактов»,⁹⁷ или «сцепки фактов».⁹⁸ Очевидно, что Б.А.Романов не рассматривал историю как строгую науку и в этом отношении не имел строгих оснований своего «ремесла». В этом, конечно, нельзя не усмотреть фундаментального противоречия, присущего исследователю методу школы С.Ф.Платонова — А.Е.Преснякова, к которой он принадлежал. Оно заключалось в установке на строго рациональную и в этом смысле строго научную систему исследовательского анализа («ремесла историка») при отсутствии ясного представления о тех правилах, по которым должен строиться этот анализ, и, что не менее важно, фактическом отказе от задачи определения конечной цели исторического познания и его места в системе научного знания. Это позволяло «ремеслу» избежать теоретической и философской ангажированности (чисто внешне, разумеется), но не давало твердых оснований для развития исторической науки, под которым, с нашей точки зрения, следует понимать прежде всего развитие ее метода. Не случайно, что в книге, с одной стороны, показано, что «Б.А.Романов пребывал в постоянном поиске новых приемов исследования, которые были ему необходимы для работы с источниками и для воссоздания как далекого, так и недавнего прошлого», но в то же время содержится и наблюдение о том, что «может даже показаться, что... неповторимая профессиональная техника была приобретена сразу, в целом и навсегда». В.М.Панеях показал настороженное отношение Б.А.Романова к школе А.С.Лаппо-Данилевского. Однако, на наш взгляд, оно было связано не столько с тем, что ей было присуще, как полагает В.М.Панеях, «формулирование превентивных и тем более отвлеченных теоретических концепций, связанных с философским осмыслением исторического знания», а с тем, что Б.А.Романов (будучи представителем эмпирического направления петербургской школы) сам не был склонен к формулированию и применению строгой системы методологии истории. Как показано в книге, в своих оценках школы

А.С.Лаппо-Данилевского Б.А.Романов отчасти следовал за своим учителем А.Е.Пресняковым. Из описаний преподавательской практики Б.А.Романова, приведенных автором, видно, что первый следовал за своими учителями (С.Ф.Платоновым, А.Е.Пресняковым, А.С.Лаппо-Данилевским, А.А.Шахматовым),⁹⁹ которые, в свою очередь, тоже продолжали традиции университета.

В отзыве на книгу В.М.Панеяха Б.С.Каганович, отметив, что рецензируемая монография является «важным и ценным исследованием», в то же время высказал ряд критических замечаний, связанных с пониманием автором историографических сюжетов петербургской школы. По мнению рецензента, представление В.М.Панеяха о петербургской школе «грешит некоторым упрощением». Б.С.Каганович не согласен с резким противопоставлением методологии научной работы петербургской школы по отношению к московской. Рецензент замечает: «<...> очевидно, что “беспредпосылочного знания” не существует и что интерпретация источников и фактов в очень значительной мере определяется нашим мировоззрением и ментальными установками». Б.С.Каганович указывает, что «петербургская историческая школа, безусловно, выработала свой стиль работы, заметно отличающийся от московского, но принципы научного исследования и закономерности исторического мышления одни и те же повсюду».¹⁰⁰ В то же время из рецензии не вполне ясно, какие особенности петербургского «стиля работы» выделяет сам Б.С.Каганович.

Широкую дискуссию вызвал доклад В.М.Панеяха и Б.В.Ананьича, посвященный петербургской исторической школе, на Третих мартовских чтениях, посвященных памяти С.Б.Окуня, сделанный в 1997 г. Выступив на конференции с докладом «Петербургская историческая школа и ее судьба», авторы предложили свою концепцию петербургской школы на суд научной общественности.¹⁰¹ С критическими замечаниями в адрес концепции петербургской школы, озвученной В.М.Панеяхом и Б.В.Ананьичем, выступил Ю.В.Кривошеев. Подчеркнув, что понимание термина «школа», продемонстрированное докладчиками, «имеет право на существование», он выразил мнение о том, что «авторы по сути подменили понятие “научной школы” понятием “развитие исторической науки”». По мнению Ю.В.Кривошеева, «алгоритм творчества историка-профессионала “источник — факт — концепция”, предложенный авторами доклада в качестве основополагающего при определении “петербургской школы” является, безусловно, классическим и даже каноническим для любого историка, но в то же время достаточно идеальным» и «до конца не осуществимым». Работы же крупнейших представителей петербургской школы (С.Ф.Платонова, А.Е.Преснякова, Б.А.Романова) «отнюдь “не идеальны” с точки зрения “канонической работы” с источником и историческим материалом». Дело в том, что, по мнению Ю.В.Кривошеева, процесс работы историка не является однолинейным, «и источник, и почерпнутый из него факт не должны становиться фетишами, но должны являться импульсами к созданию концепции». Сославшись на работы А.С.Лаппо-Данилевского, Ю.В.Кривошеев предложил выделять

«исторические школы» не по методологии работы, а по исторической концепции. Далее Ю.В.Кривошеев отметил: «<...> рассуждая о петербургской школе, надо иметь в виду и конкретные этапы ее развития. Для каждого же этапа нужно говорить о том или ином научном лидере. Учитель — лидер — это направление, школа; в противном случае понятие расплывается. Без наличия Учителя как идейно и научно организующего элемента бессильным становится любой подход к источнику».¹⁰²

Д.Н.Альшиц в своем выступлении подчеркнул, что исторические школы различаются не только по концепциям, но прежде всего по методам работы с источниками. Характеризуя в этой связи петербургскую историческую школу, Д.Н.Альшиц заметил, что, по его мнению, она «отличается своим непоколебимым, не подверженным никаким культурным влияниям методом исследования: источник (доскональное изучение его происхождения, достоверности, взаимоотношения со всеми другими относящимися к теме источниками) — факт — концепция», и с этой точки зрения противостоит многим другим школам, где формулирование эффективной концепции предшествует работе с источниками.¹⁰³ Д.Н.Альшиц выразил мнение, что традиции петербургской школы сохранились и в «мрачные и страшные» 1930-е гг. (особо остановившись на деятельности М.Д.Приселкова) и живы по сей день.¹⁰⁴

В своем выступлении другой участник дискуссии А.Н.Немилов охарактеризовал ленинградскую школу медиевистики (учеников И.М.Гревса и О.А.Добиаш-Рожественской) с точки зрения традиций петербургской школы, назвав в качестве ее отличительной черты «строгий критический подход к источнику», подчеркнув, что традиции «классической методологии» А.С.Лаппо-Данилевского вполне могли сочетаться с «приобщением к марксизму».¹⁰⁵

Б.Б.Дубенцов в своем выступлении, вслед за Д.Н.Альшицем, высказал мнение, что петербургская школа явление «отнюдь не географическое», но основанное на принципе «источник — факт — концепция». С этой точки зрения, по мнению Б.Б.Дубенцова, встает вопрос, «кого к этой школе можно причислить безусловно, а кого — числить историками петербургскими, но не принадлежащими к петербургской школе». Б.Б.Дубенцов подчеркнул, что, по его мнению, «не нужно проводить жестких граней» между московской и петербургской школами, «поскольку между ними велась постоянная переключка», указав на то, что «Платонов многое заимствует у В.О.Ключевского».¹⁰⁶

Е.А.Ростовцев в своем выступлении подверг анализу историографические источники, лежащие в основе концепции петербургской школы, предложенной в работах Б.В.Ананьича и В.М.Панеяха (высказывания А.Е.Преснякова и П.Н.Милокова), и пришел к выводу, что «указанные источники рассматривают разные свойства историографических феноменов и не могут быть привлечены в качестве оснований для оценки одного и того же явления — “петербургской исторической школы”. Во всяком случае, такая постановка вопроса невозможна без оговорки об эволюции школы, со специальным исследовательским пояснением в отношении механизма и этапов данного процесса». Е.А.Ростовцев подчерк-

нул, что для выяснения роли петербургской и московской школ в исторической науке недостаточно привлечения рефлексивных историографических источников, необходим специальный анализ конкретно-исторических трудов крупнейших представителей исторической науки Москвы и Петербурга, а также перечислил возможные параметры такого исследования: выявление историографической традиции, философской традиции, политической направленности, «учительско-ученических» взаимоотношений, методологической преемственности (в частности, выявления иерархии исследовательских процедур). К числу черт петербургской исторической школы «условно и предварительно» Е.А.Ростовцев отнес: идиографический характер исторического исследования — от единичного к общему, что, в частности, положило систему источникововедческого анализа в основу исторического построения; элементы антропологического подхода в исследовании; методологическое восприятие философской традиции.¹⁰⁷ В статье «Термин “петербургская историческая школа” в историографических источниках» Е.А.Ростовцев развил высказанные наблюдения, рассмотрев историографические основания появления этого термина, и пришел к выводу, что «термин “петербургская историческая школа”... основывается на некоем противоречивом историографическом представлении».¹⁰⁸ Впоследствии, отталкиваясь от рассуждений С.Н.Валка, Е.А.Ростовцев проанализировал процесс становления методологической традиции петербургской школы, выделил три этапа ее развития, пришел к выводу о формировании в конце 1890-х гг. двух направлений школы: теоретического (А.С.Лаппо-Данилевский) и эмпирического (С.Ф.Платонов).¹⁰⁹

Будучи одним из редакторов сборника, в котором опубликованы материалы дискуссии по проблеме петербургской школы, Т.Н.Жуковская поместила в нем очерк под названием «Некоторые размышления о петербургской исторической школе».¹¹⁰ Целью этого очерка, по словам автора, было «обозначить собственную позицию» по этой проблеме. В начале очерка Т.Н.Жуковская задается коренным вопросом: «<...> что мы можем, а что не можем трактовать как петербургскую историческую школу». Отвечая на этот вопрос, автор, прежде всего, пытается выявить дефиниции самого понятия «школа». Ссылаясь на работу Е.В.Гутновой,¹¹¹ Т.Н.Жуковская отмечает, что критерием для выделения школы являются «общие методологические приемы, объединяющие группу историков вокруг одного ученого». Как пишет Т.Н.Жуковская, «школа предполагает осознанную близость между ее представителями на уровне техники и приемов исследования». В то же время, как подчеркивает автор, «проблема преемственности проблематики от учителя к ученикам вторична по сравнению с “методологическим наследством”».¹¹² Далее Т.Н.Жуковская намечает «те черты, которые отличали университетскую и академическую науку в Петербурге—Петрограде, единую в разнообразии многих школ». Среди них она называет «европеизм, открытость теоретическому и методологическому западному опыту»; «герметичность, ощущение науки как “государства в государстве”»; ощущение себя «в научной традиции», постоянная авторефлексия; междисциплинарность; «научный либерализм,

поощряющий, а не преследующий инакомыслие»; «высокий нравственный критерий научных исследований». Вслед за рядом исследователей, в частности за М.Б.Свердловым, Т.Н.Жуковская высказывает и такое наблюдение: «<...> до 1917 г. перед нами проходят уже четыре поколения петербургской школы “русских историков”, которая, если быть точным, распадается на автономные школы А.С.Лаппо-Данилевского, С.Ф.Платонова, Г.В.Форстена, оформляющуюся к 1920-м гг. школу А.Е.Преснякова».¹¹³ Таким образом, Т.Н.Жуковская, с одной стороны, как бы сомневается в наличии единой петербургской школы, «намечая черты» «петербургской науки», а не единой научной школы, с другой стороны, все же пишет о поколениях некоей общей петербургской школы, однако воздерживается от характеристики ее методологических традиций. В то же время Т.Н.Жуковская задается вопросом: «<...> было ли прервано развитие исторической науки в рамках прежней традиции на рубеже 30-х гг., или же в ходе “восстановления прав” истории и исторического образования во второй половине 30-х гг. эти традиции были реанимированы?» Автор дает отрицательный ответ на этот вопрос. По мнению Т.Н.Жуковской, «уж слишком трансформированное развитие получила вся советская историография в ходе идеологических прививок, “отрицательной” кадровой селекции, отсутствия возможности для создания жизнеспособных научных школ по множеству направлений».¹¹⁴ Безусловно, автор прав в своих оценках, если сопоставлять их с названными им чертами петербургской науки (открытость западному научному опыту, либерализм, особый нравственный климат и т.п.), но ведь речь идет о научной школе, а на этот вопрос, с нашей точки зрения, вообще затруднительно аргументированно ответить, воздерживаясь от характеристики единой методологической традиции петербургской школы 1850-х — 1920-х гг. Таким образом, при всей своей ценности очерк Т.Н.Жуковской ставит больше важных вопросов, чем предлагает ответов. Не внесла ясности в позицию Т.Н.Жуковской и ее статья «Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета на рубеже XIX—XX веков: научно-исследовательские и педагогические традиции» (2000)¹¹⁵ — в этом обзоре под петербургской школой автор, по-видимому, понимает всех преподавателей и студентов историко-филологического факультета университета независимо от их методологических или историко-философских взглядов.

Из полемических суждений, направленных против концепции петербургской исторической школы, изложенной в трудах Б.В.Ананьича и В.М.Панеяха, можно упомянуть высказывания С.Н.Кистерева. В статье «Вехи в историографии русского летописеведения» (2003)¹¹⁶ автор замечает, что выражение «петербургская историческая школа» «в суждениях о методологии исторического исследования представляется не более чем техническим термином. Если речь заходит об отражении философских теорий в развитии исторической науки, то следовало бы уточнить, какой из них придерживались те, кого причисляют ныне к “петербургской школе”». Однако, как считает С.Н.Кистерев, «такое уточнение... лишит “петербургскую школу” ореола исключительности в приверженности науч-

ной истине».¹¹⁷ По-видимому, сам автор просто не склонен различать понятия «методологической» и «философской» традиции в историческом исследовании.

Несмотря на ряд недостатков, прежде всего некоторую декларативность в определении парадигмы петербургской школы, работы Б.В.Ананьича и В.М.Панеяха оказались тем «локомотивом», который ввел проблему петербургской школы (и более широко школы в исторической науке рубежа веков) в центр современных историографических дискуссий. В этом нам видится основная и несомненная заслуга этих исследователей.

С.О.Шмидт с несколько иных позиций рассматривает историографическую ситуацию начала XX в., особо, вслед за А.Н.Цамутали, подчеркивая влияние на С.Ф.Платонова как В.О.Ключевского, так и источниковедческой петербургской школы, однако также указывает на конкуренцию и непростые отношения двух лидеров среди русских историков дореволюционного Петербурга — С.Ф.Платонова и А.С.Лаппо-Данилевского.¹¹⁸

Б.С.Каганович в своей работе «Е.В.Тарле и петербургская историческая школа» указывает: «Тарле с его нелюбовью к отвлеченным спекуляциям и размашистым концепциям и стремлением восстановить живое прошлое “как оно в действительности было” стал органической частью петербургской исторической школы, хотя он и не всегда пользовался филигранными методами источниковедческого исследования, выработанными в ней».¹¹⁹ Очевидно, что при такой постановке проблемы правомерно было бы ожидать развернутой характеристики научного метода петербургской школы. Однако в книге Кагановича мы ее не находим. Неслучайно, как отметил в своей рецензии на книгу Кагановича С.Н.Погодин, проблема петербургской исторической школы в его книге, по существу, не анализировалась.¹²⁰ По-видимому, здесь дело в том, что само отнесение Е.В.Тарле к числу представителей петербургской школы является спорным.¹²¹

В.С.Брачев в 1990-е гг. многократно обращался к понятию «петербургская историческая школа», прежде всего, исследуя творчество С.Ф.Платонова. Считая С.Ф.Платонова представителем нового поколения петербургской школы, В.С.Брачев подчеркивает, что «возглавляемое им молодое поколение петербургских историков, сохранив унаследованную от К.Н.Бестужева-Рюмина и В.Г.Васильевского приверженность к конкретному изучению исторического материала, сумело вместе с тем избежать крайностей своих учителей».¹²² Впрочем, из изложения В.С.Брачева не вполне ясно, в чем именно эти «крайности» заключались, почему их удалось избежать и что нового внес С.Ф.Платонов в развитие школы. Первоначально В.С.Брачев выделял всего два основания школы С.Ф.Платонова — «идушую еще со времен К.Н.Бестужева-Рюмина и В.Г.Васильевского традицию “научного реализма, сказывающегося прежде всего в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту вне зависимости от разного рода умозрительных схем и построений”» и «лежащем в основе взаимоотношений С.Ф.Платонова со своими учениками глубоко нравственном начале».¹²³ Последнее замечание, вводящее в ис-

торическое построение этическую категорию без каких-либо разъяснений, выглядит загадочно. Правда, в последующих своих работах исследователь разъясняет свое понимание новаторской роли С.Ф.Платонова в петербургской исторической школе. Согласно В.С.Брачеву, при С.Ф.Платонове «ориентация на разыскания источниковедческого плана хотя и была сохранена, но не была безусловной и распространялась, главным образом, на молодых, начинающих ученых, как первое, крайне необходимое предварительное условие возможных обобщений исследовательского характера уже на втором, более зрелом этапе их профессиональной деятельности».¹²⁴ Особо указывает В.С.Брачев на методологическое единство школы С.Ф.Платонова и отмечает «несомненную зависимость» А.Е.Преснякова от «исторических взглядов» С.Ф.Платонова.¹²⁵ В.С.Брачев также подчеркивает, что единство школы С.Ф.Платонова заключалось «не в общности политических взглядов (увы, учитель был аполитичен)».¹²⁶ Странным образом, правда, это утверждение согласуется с представлением В.С.Брачевым С.Ф.Платонова как яркого государственника, патриота, оппонента «либеральной партии» в университете,¹²⁷ хотя, как отметил В.С.Брачев, С.Ф.Платонов «всцело следовал» либеральной историографии «в теоретико-методологическом и концептуальном плане». По-видимому, в этой связи В.С.Брачев использует несколько загадочный термин «либеральный консерватизм» для характеристики мировоззрения ученого.¹²⁸

В работе, посвященной «Академическому делу» 1929–1931 гг. (в ходе которого пострадали многие представители петербургской школы) (второе издание — 1998 г.), В.С.Брачев особо указывает, что «подоплека у “Дела историков” при неизбежных в таких случаях влияниях и случайностях все же историографическая» (а не политическая) и связана прежде всего со злокозненной деятельностью М.Н.Покровского и его школы.¹²⁹ Эти утверждения не помешали автору в своей более поздней работе «“Наша университетская школа русских историков” и ее судьба» (2001) найти еще одну черту петербургской школы — «замалчиваемые обычно нашими исследователями патриотические общественно-политические установки университетской школы русских историков».¹³⁰ В подтверждение этой точки зрения В.С.Брачев вновь обращается к анализу «Академического дела», называя уже в качестве его главной причины — «борьбу на историческом фронте» и не устраивавшие власть государственно-патриотические установки «школы русских историков».¹³¹ Полемизируя с Д.Н.Альшицем, который считает, что «петербургская — ленинградская школа историков» «жива по сей день»,¹³² В.С.Брачев отмечает: «<...> мнение Д.Н.Альшица симптоматично, так как в наше время стало модным говорить о приверженности тех или иных современных ученых традициям петербургской школы: конкретному, непосредственному отношению к источнику и факту.. И это, конечно же хорошо. Жаль только, что главное — живая душа нашей университетской школы русских историков, как убежденных государственников и патриотов России — остается при этом в тени. Хотелось бы надеяться, что позитивные перемены произойдут, в конце концов, и здесь, и наряду с вниманием к источнику и факту в чис-

ле востребуемых сегодня традиций петербургской исторической школы окажется и патриотизм».¹³³ Таким образом, согласно В.С.Брачеву, методологический критерий для определения школы уже недостаточен, необходимо следование определенным политическим принципам.

В работе, посвященной исследованию творчества А.Е.Преснякова (2002), В.С.Брачев вновь подчеркивает «национально-консервативный настрой платоновского кружка» и объясняет этим «выпады» против методологии научной работы С.Ф.Платонова со стороны «либерального» А.Е.Преснякова.¹³⁴ Как видим, из последних работ В.С.Брачева читатель уже не может вынести определенное мнение, что же в петербургской школе являлось, с точки зрения автора, ведущим системообразующим фактором: политическая позиция ее представителей или научная традиция. Не случайно, что В.С.Брачев склонен резко ограничивать «университетскую» петербургскую школу русских историков, от «внеуниверситетских направлений», в частности от школы А.А.Шахматова¹³⁵ и А.С.Лаппо-Данилевского.¹³⁶ Ведь этих двух историков трудно отнести к «консерваторам». При этом автор исходит из априорного представления о том, что петербургская школа — это школа «государственника» С.Ф.Платонова. Вообще в последних работах Брачева патриотический пафос имеет уже такое значение, что он предпринимает атаку на то самое определение петербургской школы, данное в 1918 г., которое в работах середины 1990-х гг. являлось для самого В.С.Брачева основным при характеристике петербургской школы. Историограф, в частности, предлагает вниманию читателя следующее исследовательское наблюдение: «Критическое отношение в отзыве С.В.Рожественского (фактически это был их общий отзыв с С.Ф.Платоновым) к выдвинутому А.Е.Пресняковым тезису о приоритете прав источника и факта в свете попыток некоторых историков представить его в качестве чуть ли не основного признака петербургской исторической школы, принципиально важно. Парадоксально, но факт: ни С.Ф.Платонов, ни его ученики взглядов А.Е.Преснякова в этом вопросе не разделяли».¹³⁷ Для исследователей творчества А.Е.Преснякова и С.Ф.Платонова данное утверждение загадочное, поскольку в рецензии С.Ф.Платонова на диссертацию А.Е.Преснякова¹³⁸ (которая несомненно В.С.Брачеву известна) содержится, напротив, его полная поддержка позиции диссертанта: по его словам, исследование А.Е.Преснякова совершило «эмансипацию от “схем”, более полувека господствующих в нашей историографии».¹³⁹ В то же время, если ведущим признать «патриотический» и «личный» фактор, то из «школы» следует исключить не только А.Е.Преснякова, но и многих других «непатриотичных» учеников С.Ф.Платонова (например Н.П.Павлова-Сильванского и М.А.Полиевктова), и уж конечно «учеников учеников», таких как, например, Б.А.Романов и С.Н.Чернов. С.Н.Валк же (которого, кстати, В.С.Брачев называет своим учителем¹⁴⁰) оказывается бесконечно далек от петербургской школы сразу по двум основаниям: политическим взглядам и ученичеству у А.С.Лаппо-Данилевского. Однако все названные историки фигурируют в изложении В.С.Брачева как видные представители петербургской школы. Автор заявляет о необходимости «абстрагироваться от

бесплодных, по его мнению, споров, связанных с изучением понятия научной школы в исторической науке», и изучать «конкретное научное сообщество историков».¹⁴¹ Однако очевидно, что подход, искусственно политизирующий историческую науку, заводит автора в положение, когда его собственные теоретические построения входят в резкое противоречие с излагаемым им историческим материалом. В то же время следует признать, что с точки зрения решения задачи «исторической реконструкции» работы В.С.Брачева представляют значительную научную ценность: практически в каждой своей работе автор вводит в научный оборот новый обширный архивный материал, что выгодно отличает его труды от большинства работ современных историографов. В этом отношении особо следует отметить уже упомянутую выше монографию «“Наша университетская школа русских историков” и ее судьба». (2001). Фундаментальная источниковая база исследования позволила В.С.Брачеву представить широкую панораму развития исторической науки Петербурга рубежа XIX–XX вв., и хотя целый ряд выводов представляется спорным, эта работа кажется нам наиболее значимым вкладом в изучение проблемы петербургской исторической школы, сделанным в последние десятилетия.

Противоречивые суждения В.С.Брачева о петербургской школе и ее представителях вызвали острую полемику. Его основными оппонентами выступили М.Б.Свердлов¹⁴² и В.М.Панеях.¹⁴³ М.Б.Свердлов выступил со специальной брошюрой «О “петербургской школе историков”, корректности историографического анализа и рецензии В.С.Брачева» (1995),¹⁴⁴ направленной на полемику с В.С.Брачевым, критически проанализировавшим на страницах журнала «Отечественная история» предпринятую М.Б.Свердловым публикацию исследования А.Е.Преснякова «Княжое право в Древней Руси» и его «Лекций по русской истории».¹⁴⁵ В этой работе М.Б.Свердлов сделал особый акцент на проблеме «полицентричности» петербургской школы историков, указав, что «наряду с платоновским исследовательским направлением существовали научные кружки Г.В.Форстена — “форстенята” и А.С.Лаппо-Данилевского», подчеркнув в этой связи и значение школы А.А.Шахматова. С позиций «полицентризма» петербургской школы М.Б.Свердлов подходит и к анализу взаимоотношений С.Ф.Платонова и А.Е.Преснякова, отмечая, что «идеи последнего были значительно шире, органично включая в себя достижения других направлений, частично совпадая с традициями С.Ф.Платонова, что вело к созданию новой научной школы — А.Е.Преснякова».¹⁴⁶ В ходе полемики автор ввел в научный оборот новый источниковый материал — переписку А.Е.Преснякова с матерью и женой, — который он использовал, чтобы показать наличие значимых идейных и методологических расхождений между С.Ф.Платоновым и А.Е.Пресняковым. В.С.Брачев, в свою очередь, подготовил ответ М.Б.Свердлову (1996, опубликован в 2002),¹⁴⁷ в котором подчеркнул, что «научная близость историков, их принадлежность к определенной школе или направлению устанавливается не на основе субъективных личных признаний или умолчаний, а путем тщательного сопоставления опубликованных ими научных текстов», уп-

рекнув М.Б.Свердлова в том, что в его работах мы этого сопоставления не находим.¹⁴⁸ Здесь следует, правда, отметить, что такого сопоставления мы не находим и в работах самого В.С.Брачева. Последний также пишет в «Ответе М.Б.Свердлову» о том, что «традиции “школы” не умерли... М.Д.Приселков, С.Н.Валк, А.И.Андреев, Б.А.Романов и другие ее представители оставили после себя учеников. Некоторые из них активно работают в науке и в наши дни».¹⁴⁹ В этой связи остается совершенно непонятен пафос В.С.Брачева во время упомянутой полемики с Д.Н.Альшицем, когда он категорично заявлял: «<...> к сожалению, всему в этом мире приходит конец. Не бывает вечных школ в науке».¹⁵⁰

В.М.Панеях начал полемику в 1998 г. на страницах журнала «Отечественная история», где поместил рецензию на упомянутую книгу В.С.Брачева «Русский историк Сергей Федорович Платонов».¹⁵¹ Рецензент пришел к выводу, что «В.С.Брачев не имеет никакого представления о критике источников как основе исторического и историографического построения», а потому «автор не справился со своей задачей — воссоздать жизненный и творческий путь одного из крупнейших российских ученых, чья деятельность совпала с расцветом петербургской исторической школы, принципами которой он руководствовался, много сделав как исследователь и профессор-наставник для их развития и углубления».¹⁵² В.М.Панеях также упрекал В.С.Брачева в политизированности изложения; по его мнению, «С.Ф.Платонов под пером В.С.Брачева превратился в рупор крайне ретроградных и в этом смысле экзотических воззрений самого автора».¹⁵³ В.С.Брачев вступил в ответную полемику с рецензентом на страницах журнала «Клио», где, в свою очередь, обвинил В.М.Панеяха и сочувственно отнесшегося к его рецензии Н.Н.Покровского¹⁵⁴ в политической ангажированности, на что последовала ответная реплика В.М.Панеяха.¹⁵⁵ Впрочем, предметом этой полемики были главным образом методы использования следственных показаний по «Академическому делу», широко задействованных в труде В.С.Брачева. Ничего нового в обсуждение проблемы петербургской школы полемика не внесла.

В книге «Киевская школа в российской историографии» (1996) С.И.Михальченко замечает: «<...> традиционным стало говорить о большей склонности москвичей к обобщениям, концептуальным построениям, а петербуржцев — к источниковедческой стороне изучения истории». Автор считает, что «понятие “московская”, “киевская” школы — фактически, синонимы понятий “школы московского или киевского университетов”, поскольку в конце XIX — начале XX вв. вне университетов в этих городах работало сравнительно немного профессиональных историков, часто это были те же университетские профессора в условиях совместительства». Что касается Петербурга, то вслед за С.В.Чирковым С.И.Михальченко склонен «выделять университетскую школу Платонова и академическую А.С.Лаппо-Данилевского, хотя истоки у них были общие».¹⁵⁶

Крайне осторожный подход к термину «петербургская историческая школа» демонстрирует С.Н.Погодин в монографии «“Русская школа” историков: Н.И.Кареев, И.В.Лучицкий, М.М.Ковалевский» (1997).¹⁵⁷ Автор перечисляет различные критерии выявления самого понятия исто-

рической школы, не абсолютизируя ни один из имеющихся в науке подходов. С.Н.Погодин излагает имеющиеся в литературе мнения относительно петербургской школы (А.Н.Цамутали, С.Н.Валк, В.М.Панеях, Б.В.Ананьич), но воздерживается от собственной оценки этих суждений. В статье «Научные школы в исторических науках» (1998) автор возвращается к этим размышлениям¹⁵⁸ и приходит к выводу о том, что «этот вопрос [о самом понятии “научная школа”. — Е.Р.] остается открытым и нуждается в дальнейших исследованиях».¹⁵⁹ Ясности в позицию автора не внесли и его работы, посвященные А.С.Лаппо-Данилевскому, в том числе и его совместный с А.В.Малиновым труд «Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ» (2001).¹⁶⁰

Э.Д.Фролов в монографии «Русская наука об античности» (1999) рассмотрел процесс становления петербургской школы в области антиковедения. В этом отношении особое внимание автор уделил анализу творчества М.С.Куторги. Характеризуя методологию научной работы М.С.Куторги, Э.Д.Фролов отметил, что, хотя «конечную цель исторического исследования Куторга видел в выяснении общего хода человеческой истории... он считал необходимым для ученого сосредоточиться на исследовании какого-либо одного исторического периода» и «был безусловным сторонником критического метода».¹⁶¹ Автор пришел к выводу, что к «Куторге, как к единому источнику, восходит целый ряд родственных научных течений — не только в науке об античности, но и в медиевистике, в византиноведении, в изучении нового времени».¹⁶² Эти наблюдения дали возможность историографу, вслед за С.Н.Валком, назвать М.С.Куторгу «родоначальником петербургской исторической школы».¹⁶³

В.П.Корзун обращается к анализу понятия «петербургская историческая школа» в своей монографии «Образы исторической науки на рубеже XIX—XX вв.» (2000).¹⁶⁴ В.П.Корзун полагает, что на рубеже веков происходит процесс сближения петербургской и московской исторических школ и складывание так называемой «новой волны историков» (понятие приводится со ссылкой на В.А.Муравьева).¹⁶⁵ В то же время, вслед за С.В.Чирковым, В.П.Корзун подчеркивает существование двух различных направлений в рамках петербургской школы (А.С.Лаппо-Данилевского и С.Ф.Платонова), хотя точка зрения последнего о том, что оба эти направления объединяло «противостояние московской исторической школе», представляется ей спорной.¹⁶⁶ Исследовательница указывает на стремление нового поколения московских и петербургских историков «к преодолению заданной традицией демаркационной линии между школами», анализируя в этой связи отношения, складывавшиеся между С.Ф.Платоновым и П.Н.Милюковым в конце 1880-х — 1890-е гг.¹⁶⁷ В.П.Корзун отмечает, что исследование Е.А.Ростовцева, посвященное взаимоотношениям С.Ф.Платонова и А.С.Лаппо-Данилевского, позволило ей «сделать следующий шаг» — применить к данному сюжету «парадигму интеллектуальной истории». Отправными в этом анализе стали, по словам автора, два тезиса. Первый (приводится со ссылкой на М.П.Мохначеву) заключается в следующем: «“Согласно теории межличностных коммуникаций в науке такой тип науковтворческой деятельнос-

ти [сообщество открытого типа как самоорганизация научного знания. — *Е.Р.*] строится по принципу рассредоточенной сети с довольно низкой степенью связанности, на фоне которой выделяются отдельные локальные уплотнения — отдельные более сплоченные группировки исследователей”. Подобный тип научных объединений “характерен для периода проблемной ситуации в научной дисциплине. Он перерождается в сильно сплоченное образование, характерное уже периоду разрешения проблемы”». Второй тезис, на который опирается В.П.Корзун, «связан с особенностями внутреннего мира ученого и необходимостью фиксации внутренних привычек (*habitus*), которые “встраиваются в человека в процессе социализации”, или, согласно другой версии, выбираются конкретным человеком».¹⁶⁸ Заявленный автором глубокий теоретический подход дал возможность прийти и к новым содержательным выводам. В.П.Корзун вслед за Е.А.Ростовцевым полагает, что причины охлаждения отношений между А.С.Лаппо-Данилевским и С.Ф.Платоновым в 1890-е гг. в различии научно-теоретических взглядов двух ученых. В то же время она замечает: «Данная ситуация отражает, на наш взгляд, и более значительный процесс существенного изменения картины развития самих научных школ рубежа XIX—XX веков. Внутри них наблюдается выделение различных предметных полей исследования (напомним, что само противопоставление объекта предмету в теоретическом плане формулируется в начале XX века). Научные исследования становятся предметно не совпадающими. Обратившись к петербургской школе, можно заметить, что присущий ей принцип научного реализма А.С.Лаппо-Данилевский применяет к анализу базовых оснований исторического исследования, С.Ф.Платонов — к научной документированности при исследовании конкретного исторического процесса». Вслед за С.В.Чирковым В.П.Корзун отмечает различие между функциональной (учебной) школой С.Ф.Платонова и нефункциональной (академической) школой А.С.Лаппо-Данилевского.¹⁶⁹ Среди новых выводов, к которым пришла В.П.Корзун, стало выделение ею наряду с эмпирическим и «социологического» направления петербургской школы, которое, по ее словам, представлял Н.И.Кареев.¹⁷⁰ Впрочем, из изложения автора не вполне ясно, каким образом социологическое направление Кареева связано с петербургской школой «научного реализма».

Отдельного упоминания заслуживает учебное пособие «Введение в историографию отечественной истории XX века», подготовленное В.П.Корзун в соавторстве с С.П.Бычковым.¹⁷¹ Без сомнения, уже сам подход авторов, связанный с размещением материала по истории науки по научным направлениям и школам, выгодно отличает этот учебник от историографических пособий советского и начала постсоветского времени, когда за основу историографического построения принимался не методологический принцип, а концептуальный, философско-исторический или даже политический.¹⁷² Четвертая глава пособия носит название «Петербургская школа русских историков в конце XIX — начале XX веков»,¹⁷³ определенный интерес представляет и первый параграф третьей главы под названием «Школы в науке. Историографы о московской и

петербургской школах, их взаимоотношениях».¹⁷⁴ В целом здесь повторяются положения рассмотренной выше монографии. Однако есть и новые суждения. Подводя итог полемики о петербургской школе, С.П.Бычков и В.П.Корзун справедливо отмечают: «Практически все современные исследователи признают неоднородность петербургской исторической школы русских историков в начале XX в. Одни говорят о двух направлениях внутри школы, другие делают вывод об изменении ее конфигурации вплоть до разрыва и складывания принципиально иной школы. И в первом и во втором случае речь идет о ярких фигурах С.Ф.Платонова и А.С.Лаппо-Данилевского и сообществах, возникших вокруг них».¹⁷⁵ Далее авторы называют основную черту петербургской школы: «В качестве существенной черты петербургской школы ее участники и историки называют особое отношение к историческому источнику» и подчеркивают: «<...> однако в понимании особого признака петербургской школы — источника — не было единства». Вслед за Е.А.Ростовцевым (текстуально повторяя положения автореферата его кандидатской диссертации)¹⁷⁶ С.П.Бычков и В.П.Корзун рассматривают систему исторической методологии С.Ф.Платонова и А.С.Лаппо-Данилевского и приходят к выводу: «<...> за такими разночтениями в понимании источника стояли различные методологические ориентиры: для Платонова — старый добрый позитивизм, для А.С.Лаппо-Данилевского — неокантианство».¹⁷⁷ Объясняя противоречия между А.С.Лаппо-Данилевским и С.Ф.Платоновым, авторы замечают: «Современные исследователи (А.Н.Цамутали, Е.А.Ростовцев) связывают обозначенные противоречия с двумя направлениями в исторической науке — эмпирическим и социологическим».¹⁷⁸ По-видимому, к эмпирическому направлению в науке здесь относится С.Ф.Платонов, а к социологическому направлению — А.С.Лаппо-Данилевский с его неокантианством. Не беремся судить о работах А.Н.Цамутали, но в своем автореферате и статьях, посвященных этому вопросу, мной подчеркивалось несколько иное: С.Ф.Платонов и А.С.Лаппо-Данилевский (который основал, по выражению А.Е.Преснякова, «теоретическую», но не социологическую школу), принадлежали к петербургской исторической школе, которая в целом находилась в оппозиции социологическому (по своему характеру преимущественно позитивистскому и неразрывно связанному с московской школой В.О.Ключевского) направлению исторической науки начала XX в.

Тему петербургской исторической школы затрагивает А.Ю.Дворниченко в своей монографии, посвященной творчеству В.В.Мавродина (2001),¹⁷⁹ который долгие годы являлся деканом исторического факультета ЛГУ и заведующим кафедрой русской истории. Автор отмечает, что время учебы В.В.Мавродина в Ленинградском университете в конце 1920-х гг. совпало с «периодом ухода из университета блестящей дореволюционной “петербургской школы”».¹⁸⁰ В то же время в работе Дворниченко содержится и следующее наблюдение: «Яркая черта творчества Мавродина — пронизанность его историографией. В лучших традициях петербургской исторической школы, основателем которой был К.Н.Бестужев-Рюмин, Мавродин каждому сюжету, которым занимается, дает глу-

бокую историографическую трактовку».¹⁸¹ «Историографичность» научного построения является очевидным достоинством и в определенном смысле родовым признаком школы В.В.Мавродина (и в этом смысле — отчасти и школы Ленинградского университета 1960-х — 1980-х гг.), однако относить эту черту научного метода к более раннему времени — периоду «блестящей петербургской школы» — без достаточных аргументов означает попытку искусственно объединить две различные университетские школы в области русской истории.

В статье Т.И.Сидненко «Петербургская школа историков (либеральное направление)» (2002) осуществлена попытка объединить в рассмотрении проблемы петербургской школы политический, методологический и корпоративный критерии, без какой-либо попытки выстраивания иерархии между ними. Такой подход с неизбежностью привел автора к включению в ряды одной школы всех крупных историков Санкт-Петербурга рубежа веков: А.С.Лаппо-Данилевского, Н.И.Кареева, А.Е.Преснякова, А.А.Корнилова, С.Ф.Платонова, М.М.Ковалевского, И.М.Гревса и др.¹⁸² Очевидно, что изложение с таких позиций носит чисто описательный характер.

Постепенно понятие «петербургская школа» все более прочно входит в научный оборот. В частности, отражением этого процесса следует считать появление целого ряда учебных курсов по отечественной историографии, где проблеме петербургской школы уделяется существенное внимание. Здесь можно отметить, кроме упомянутого учебного пособия С.П.Бычкова и В.П.Корзун, также пособия А.Н.Зашихина¹⁸³ и В.Я.Мауля.¹⁸⁴ В целом, излагая учебный материал, авторы этих пособий следуют концепции петербургской школы, изложенной С.Н.Валком и в новейшее время развитой Б.В.Ананьичем и В.М.Панеяхом. В то же время, например, в пособии по историографии, составленном Н.Г.Георгиевой, термины «московская» и «петербургская» школы историков вообще не упоминаются.¹⁸⁵ В новейшем учебнике по историографии под редакцией М.Ю.Лачаевой изложение строится по биографическому признаку. В заключительной главе, хотя и признается значение «научных школ», подчеркивается «движение этих школ навстречу друг другу».¹⁸⁶

Подводя итог обзору использования понятия «петербургская историческая школа» в научной литературе, можно отметить, что писавшие о ней историографы, по-видимому, руководствовались различной мотивацией. Часть исследователей в определении школы были ведомы социальными и политическими мотивами, другие — стремлением подчеркнуть свою собственную (или определенной корпорации) принадлежность к данной историографической традиции, некоторые рассматривают понятие «петербургская школа» как важный элемент построения общей картины национальной историографии. Последний подход кажется наиболее перспективным, и прежде всего тогда, когда в его основу положено понятие методологии исторического исследования.

Можно предположить, что понятие «петербургская школа» наиболее эффективно используется, когда оно выступает не столько как застывший объект исследования, сколько как один из историографических инструментов, призванных способствовать объяснению тех или иных яв-

лений исторической науки, как конкретных (отдельные историографические факты: работы историков, их взаимоотношения и т.п.), так и более общих (научно-исследовательская программа, научная парадигма, научная революция и т.п.). В этой книге петербургская историческая школа рассматривается как течение в отечественной исторической науке, в основе которого находилась определенная методологическая традиция. Поэтому термин «петербургская школа» используется не только для обозначения той ученой корпорации, в которую входил А.С.Лаппо-Данилевский, но и как инструмент для объяснения «научно-исследовательской программы» ученого, значения его творчества для исторической науки.

Несколько слов о построении этой книги. В первой главе мы попытались показать истоки формирования новой научной парадигмы А.С.Лаппо-Данилевского, его исследовательской программы в контексте как истории петербургской школы, так и по отношению к парадигме школы В.О.Ключевского (московской школы). Для решения этой задачи мы попытались реконструировать не только круг философско-исторических и методологических идей рубежа веков, но и тот «историографический быт», ту профессиональную среду, в которой началась ученая деятельность А.С.Лаппо-Данилевского. Вторая глава посвящена изложению основных элементов методологии истории А.С.Лаппо-Данилевского и реализации ее принципов в исследовательской практике, каждодневной работе ученого. Третья глава связана с анализом наследия А.С.Лаппо-Данилевского в отечественной историографии, попыткой определить роль А.С.Лаппо-Данилевского и его школы в российской науке. В заключении, кроме подведения итогов исследования, мы посчитали необходимым попытаться проанализировать «феномен А.С.Лаппо-Данилевского» по отношению к научной и культурной традиции XX века. Таким образом, через изучение биографии ученого мы старались внести свой вклад в характеристику общего контекста истории гуманитарной науки в России XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1910. Ч.1; *он же*. Методология истории. СПб. 1913. Вып. II; *он же*. Методология истории // ЖМНП. 1917. № 11-12; *он же*. Методология истории. I. Принципы и методы исторического знания. II. Главнейшие направления в теории исторического знания // ИАН. 1918. VI серия. Т. XII, № 5; *он же*. Основные принципы исторического знания в главнейших его направлениях: номотетическом и идиографическом // Там же. 1919. VI серия. Т. XII, № 6, 7, 9, 11, 13; *он же*. Методология истории. Пг. 1923. Вып. I; *он же*. Методология истории. Часть вторая. Методы исторического изучения. Отдел II. Методология исторического построения. Лекции, читанные студентам С.-Петербургского университета в 1908—1909 акад. году. Литография. [СПб., 1909].

² Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатии частных актов. Пг., 1920.

³ Правила издания грамот Коллегии экономики. Пг., 1922.

⁴ Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв. М., 1990.

⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Печати последних Галичско-Владимирских князей и их советников. СПб., 1906; *он же*. Служилые кабалы позднейшего типа // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете. М., 1909. С. 719-764; *он же*. Петр Великий — основатель Императорской Академии в Санкт-Петербурге. СПб., 1914 и др.

⁶ Милоков П.Н. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890 // РМ. 1890. № 9; *он же*. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства: Рецензия на сочинение А.С.Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве». СПб., 1892; *он же*. Воспоминания. В 2-х т. М., 1990. Т.1.

- ⁷ Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. [С]Пб., 1922 и др.
- ⁸ Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (опыт истолкования души) // РИЖ. 1920. Кн. 6.
- ⁹ Карсавин Л.П. Введение в историю (теория истории). [С]Пб., 1920.
- ¹⁰ Кареев Н.И. Историко-теоретические труды А.С.Лаппо-Данилевского // РИЖ. 1920. Кн. 6. и др.
- ¹¹ Протоколы заседаний историко-филологического отделения Академии наук за 1898–1923 гг. СПб.—Пг., 1899–1924.
- ¹² Платонов С.Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // ДД. 1921. Кн.2; *он же*. Автобиографическая записка // Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып.1. Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова.
- ¹³ Гревс И.М. За культуру. Воспоминания // Былое. 1918. № 12.
- ¹⁴ Дружинин В.Г. Воспоминания // РГАЛИ. Ф.167. Оп.1. Д.7.
- ¹⁵ См.: ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.1120; ПФА РАН. Ф.113. Оп.3. Д.286.
- ¹⁶ См. Архив СПб. ИИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.1-10. См. также: Письма А.С.Лаппо-Данилевского Е.Д.Лаппо-Данилевской / Подгот. к печати и комм. В.П.Корзун // Мир историка. XX век: Монография. М., 2002. С.390-409.
- ¹⁷ Платонова Н.Н. Дневник // ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Д.5691-5700.
- ¹⁸ Речь идет о работах Г.Башляра, А.Койре, Т.Куна, К.Поппера, С.Тулмина, П.Фейерабенда, И.Лакатоса, Я.Хинтички и других авторов. См. об этом, например: Черняк В.С. Особенности современных концепций развития науки // В поисках теории развития науки: (Очерки западноевропейских и американских концепций XX века). М., 1982. С.12-50.
- ¹⁹ Ср.: Иллерицкая Н.В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX в.: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002. С.12.
- ²⁰ Вернадский Г.В. Очерки по истории науки в России // ЗРАГ. N. Y., 1971–1975. Т.5–9; *он же*. Russian Historiography. Belmont, 1978. См. также: Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998.
- ²¹ Там же. С.256.
- ²² Бельский И.Л. К проблеме наименований школ, направлений, течений в отечественной исторической науке XIX–XX вв. // XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки. Калинин, 1978. Ч.П. С.64-65.
- ²³ Мязгов Г.П. Научное сообщество в исторической науке. Опыт «Русской исторической школы». Казань, 2000. С.7-108.
- ²⁴ Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX в.: Учеб. пособие. Омск, 2001. С.77-81.
- ²⁵ Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии: (школа западно-русского права). Брянск, 1996. С.3-16. Ср.: Михальченко С.И. Киевская школа: Очерки об историках. Брянск, 1994. С.59-62.
- ²⁶ Погодин С.Н. Научные школы в исторических науках // Клио (СПб.). 1998. № 2. С.14-26.
- ²⁷ Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии. С.12-13.
- ²⁸ См., например: Рамзанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX века. Волгоград, 1999–2000. Ч.1–II; Синицын О.В. Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX – начале XX вв. Казань, 1998.
- ²⁹ Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века: Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С.393.
- ³⁰ Школы в науке. М., 1977.
- ³¹ См., например: Лайтко Г. Научная школа – теоретические и практические аспекты // Там же. С.218.
- ³² Гасилов В.Б. Научная школа – феномен и исследовательская программа науковедения // Там же. С.144-148.
- ³³ См.: Ярошевский М.Г. Логика развития науки и научная школа // Там же. С.7-24.
- ³⁴ См., например: Main Trends of Research in Social and Human Sciences. Hague, 1970. Part 1. Vol.1–2.
- ³⁵ Школы в науке.
- ³⁶ См.: Дмитриев А.Н. Проблемы формирования «строгой науки» в гуманитарном знании // Проблемы социального и гуманитарного знания: Сб. науч. работ. СПб., 1999. Вып.1. С.329-349.
- ³⁷ См., например: Коноплев Н.С. Принцип детерминизма как методологическая основа гуманитарных наук. Иркутск, 1986; Гайденко П.П. Эволюция понятия науки: Становление и развитие первых научных программ. М., 1980.
- ³⁸ См.: А.Е.Пресняков – матери. 31 октября 1893 г. // Архив СПб. ИИ РАН. Ф.193. Оп.2. Д.1. Л.309 об.
- ³⁹ Barnes B. About Science. Oxford, N. Y., 1985; Bloor D. Knowledge and Social Imagery. Lnd., 1976. См. об этом, например: Проблема ценностного статуса науки на рубеже XXI века: Сб. ст. СПб., 1999; Наука: возможности и границы. М., 2003; Fuller S. Philosophy of Science and its Discontents. Boulder, 1989; Laudan L. Science and Relativism: (Some Key Controversies in the Philosophy of Science). Chicago, 1990.

- ⁴⁰ См. об этом, например: Колосов Н.Е. Как думают историки. М., 2001. С.46-48; Шломбом Ю., Кром М., Зоккол Т. Микроистория: большие вопросы в малом масштабе // Прошлое крупным планом: Современные исследования по микроистории. СПб., 2003. С.7-26.
- ⁴¹ Поттер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.
- ⁴² Кун Т. Структура научных революций. М., 1985.
- ⁴³ Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
- ⁴⁴ Кром М.М. Историческая антропология: Пособие к лекционному курсу. СПб., 2000. С.69.
- ⁴⁵ См.: Sciences and Cultures: Anthropological and Historical Studies of Science. Dordrecht, 1981. Ср.: Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // ВИАТ. 1994. № 4. С.4.
- ⁴⁶ Там же. С.5.
- ⁴⁷ См.: Там же. С.5-21. Ср.: Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.
- ⁴⁸ Александров Д.А. Историческая антропология науки в России. С.21.
- ⁴⁹ Ростовцев Е.А. Петербургская историческая школа в исторической литературе (в печати).
- ⁵⁰ Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.163.
- ⁵¹ Пресняков А.Е. Образование Великолукского государства. Очерки по истории XIII–XV ст. Пг., 1918; *он же*. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великолукского государства». Пг., 1920. С.6; *он же*. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С.16-17, 25, 27-28.
- ⁵² Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной сессии ЛГУ. Секция исторических наук. Л., 1948. С.3-79. См. переиздание: Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С.7-106.
- ⁵³ Невский В.И. Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пг., 1923. Вып.1 // Печать и революция. 1923. № 7. С.182.
- ⁵⁴ См.: [Милоков П.Н.]. Рец. на: Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the russe common wealth» как исторический источник. СПб., 1891 // РМ. 1892. № 2. С.64-66 отд. паг. Ср.: Трибунский П.А. П.Н.Милоков о петербургской исторической школе // История дореволюционной России: мысль, события, люди: Сб. науч. тр. кафедры древней и средневековой истории Отечества. Рязань, 2001. Вып.1. С.5-12.
- ⁵⁵ См.: Милоков П.Н. Воспоминания. Т.1. С.161-163.
- ⁵⁶ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С.497-502.
- ⁵⁷ Там же. С.502.
- ⁵⁸ Там же. С.502-509.
- ⁵⁹ Черепнин Л.В. А.С.Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед // ВИ. 1949. № 8. С.30-51.
- ⁶⁰ Черепнин Л.В. Об исторических взглядах А.Е.Преснякова // ИЗ. 1950. Т.33. С.201-231.
- ⁶¹ Там же. С.204-205.
- ⁶² Федотов Г.П. Россия Ключевского // СЗ. 1932. Т.Л. С.340-362. См. переиздание: Федотов Г.П. Россия Ключевского // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб., 1991. Т.1. С.329-348.
- ⁶³ Там же. С.346.
- ⁶⁴ Вернадский Г.В. Русская историография. С.256.
- ⁶⁵ Эммонс Т. Ключевский и его ученики // ВИ. 1990. № 10. С.53.
- ⁶⁶ Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986.
- ⁶⁷ Там же. С.80-81.
- ⁶⁸ Там же. С.81.
- ⁶⁹ Там же. С.80.
- ⁷⁰ Там же. С.145.
- ⁷¹ Там же. С.145-150.
- ⁷² Там же. С.99.
- ⁷³ Цамутали А.Н. Особенности развития русской историографии в конце XIX – начале XX века // Историческое познание: традиции и новации: Тезисы Международной теоретической конф., Ижевск, 26-28 октября 1993 г. Ижевск, 1993. Ч.1. С.166-168.
- ⁷⁴ Цамутали А.Н. В.О.Ключевский и петербургские историки // В.О.Ключевский: Сб. материалов. Пенза, 1995. Вып.1. С.282-289.
- ⁷⁵ Там же. С.288.
- ⁷⁶ Анянич Б.В., Панялх В.М., Цамутали А.Н. Сергей Федорович Платонов. Биографический очерк // Академическое дело 1929–1931 гг. С. LXIII-LXXIV.
- ⁷⁷ Цамутали А.Н. Глава петербургской исторической школы: Сергей Федорович Платонов // Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996. С.538-552; *он же*. Sergei Fedorovich Platonov (1860–1933) // Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in a Multinational State. Armonk–N. Y.–Lnd., 1999. P.311-331.
- ⁷⁸ Чирков С.В. Археология и школы в русской исторической науке XIX – начала XX века // АЕ за 1988 г. М., 1990. С.19-27.
- ⁷⁹ См.: Чирков С.В. [Выступление на совместном заседании Археологической комиссии АН СССР и Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, посвященном памяти С.Н.Валка] // АЕ за 1976 г. М., 1977. С.309-310.

- ⁸⁰ *Чирков С.В.* Археография и школы... С.23.
- ⁸¹ *Гутнов Д.А.* Об исторической школе Московского университета // ВМУ. 1993. Сер.8. История. № 8. С.40-53.
- ⁸² *Ананьич Б.В.* «Петербургская историческая школа» // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996; *он же.* О воспоминаниях Н.С.Штакельберг // In memotiam: Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка. СПб., 1995. С.78-90; *Панях В.М.* Б.А.Романов об издании судебныхников XV—XVI вв. // Проблемы социально-экономической истории России. Л., 1991. С.19-20; *он же.* «Настоящая жизнь»: Борис Александрович Романов — студент Петербургского университета. 1906—1911 годы // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996; *он же.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С.21-23.
- ⁸³ *Ананьич Б.В., Панях В.М.* О петербургской исторической школе и ее судьбе // ОИ. 2000. № 5. С.105-118. См. также: *Anan'ich B.V., Paneyah V.M.* The St. Petersburg School of History and its Fate // Russian Studies in History. 1998. Vol.36. № 4. P.72-92; *они же.* The St. Petersburg School of History and its Fate // Historiography of Imperial Russia. P.146-162.
- ⁸⁴ *Ананьич Б.В., Панях В.М.* О петербургской исторической школе и ее судьбе. С.106.
- ⁸⁵ Там же. С.109.
- ⁸⁶ *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. С.65,66.
- ⁸⁷ Там же. С.16-17,25.
- ⁸⁸ Там же. С.27-28.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ *Рождественский С.В.* Речь на: Пресняков А.Е. Образование Великоорусского государства. Очерки по истории XIII—XV ст. Пг., 1918 // РИЖ. 1918. Кн.5. С.279-290.
- ⁹¹ Там же. С.281. Ср.: *Брачев В.С.* Русский историк А.Е.Пресняков (1870—1929). СПб., 2002. С.43.
- ⁹² *Панях В.М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов.
- ⁹³ Там же. С.21 и др.
- ⁹⁴ См.: Там же. С.21-23 и др.
- ⁹⁵ Там же. С.266.
- ⁹⁶ Там же. С.80 и др.
- ⁹⁷ Там же. С.103.
- ⁹⁸ Там же. С.362.
- ⁹⁹ Там же. С.59,329-331.
- ¹⁰⁰ *Каганович Б.С.* Речь на: Панях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000 // ННИ. 2002. № 4. С.210-211.
- ¹⁰¹ См.: [*Жуковская Т.Н., Марголис А.Д.* От составителей] // Третьи мартовские чтения памяти С.Б.Окуня: Материалы науч. конф. СПб., 1997. С.6.
- ¹⁰² *Кривошеев Ю.В.* [Выступление в прениях] // Там же. С.55-58.
- ¹⁰³ *Альшиц Д.Н.* [Выступление в прениях] // Там же. С.58-59
- ¹⁰⁴ Там же. С.60-62.
- ¹⁰⁵ *Немилов А.Н.* [Выступление в прениях] // Там же. С.62-67
- ¹⁰⁶ *Дубенцов Б.Б.* [Выступление в прениях] // Там же. С.67-68.
- ¹⁰⁷ *Ростовцев Е.А.* [Выступление в прениях] // Там же. С.70-75.
- ¹⁰⁸ *Ростовцев Е.А.* Термин «петербургская историческая школа» в историографических источниках // Петербургские чтения 98-99. Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1999. С.417.
- ¹⁰⁹ *Ростовцев Е.А.* Методология истории петербургской исторической школы // Там же. С.412-415.
- ¹¹⁰ *Жуковская Т.Н.* Некоторые размышления о «петербургской школе» // Третьи мартовские чтения памяти С.Б.Окуня. С.8-14.
- ¹¹¹ См.: *Гутнова Е.В.* Историография средних веков: Учебник для студентов. М., 1985. С.9-10.
- ¹¹² *Жуковская Т.Н.* Некоторые размышления о «петербургской школе». С.9.
- ¹¹³ Там же. С.10-12.
- ¹¹⁴ Там же. С.13.
- ¹¹⁵ См.: *Жуковская Т.Н.* Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета на рубеже XIX — XX веков: научно-исследовательские и педагогические традиции // История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий: Материалы международной конф. (2—5 февраля 2000 г.). Петрозаводск, 2000. С.341-349.
- ¹¹⁶ *Кистерев С.Н.* Вехи в историографии русского летописеведения // Очерки феодальной России: Сб. ст. М., 2003. Вып.7. С.5-28.
- ¹¹⁷ Там же. С.20.
- ¹¹⁸ *Шмидт С.О.* Жизнь и творчество историка С.Ф.Платонова в контексте проблемы «Петербург—Москва» // Россия в IX—XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С.533-537. Ср.: *Шмидт С.О.* Сергей Федорович Платонов (1860—1933) // Портреты историков: Время и судьбы. В 2-х т. М.—Иерусалим, 2000. Т.1. Отечественная история. С.100-135.
- ¹¹⁹ *Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995. С.108.

- ¹²⁰ *Погодин С.Н.* Речь на: Чапкевич Е.И. Пока из рук не выпало перо...(Жизнь и деятельность Е.В.Тарле). Орел, 1994; Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995 // ВИ. 1997. № 6. С.169.
- ¹²¹ Ср.: *Брачев В.С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001.
- ¹²² *Брачев В.С.* Русский историк Сергей Федорович Платонов: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1996. С.15.
- ¹²³ Там же. С.16. Ср.: *Брачев В.С.* Русский историк Сергей Федорович Платонов. СПб., 1995. Ч.1—II; *он же.* Русский историк С.Ф.Платонов. Ученый. Педагог. Человек. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1997. С.244; *он же.* Петербургская археографическая комиссия (1834—1929). СПб., 1997. С.80-81; *он же.* Русский историк А.Е.Пресняков (1870—1929). С.77-78 и др.
- ¹²⁴ *Брачев В.С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. С.241.
- ¹²⁵ *Брачев В.С.* Речь на: Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С.198-201.
- ¹²⁶ *Брачев В.С.* Русский историк Сергей Федорович Платонов: Автореферат... С.16.
- ¹²⁷ См.: *Брачев В.С.* Русский историк С.Ф.Платонов. Ученый. Педагог. Человек. С.257-260 и др. Ср.: *Панях В.М.* Речь на: Брачев В.С. Русский историк Сергей Федорович Платонов. СПб., 1995. Ч.1—II // ОИ. 1998. № 1. С.136-141.
- ¹²⁸ *Брачев В.С.* Русский историк С.Ф.Платонов. Ученый. Педагог. Человек. С.257.
- ¹²⁹ *Брачев В.С.* «Дело историков» 1929—1931 гг. 2-е изд., доп. СПб., 1998. С.115.
- ¹³⁰ *Брачев В.С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. С.8-9.
- ¹³¹ Там же. С.10.
- ¹³² Цит по: *Брачев В.С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. С.11. См.: *Альшиц Д.Н.* Петербургская историческая школа. Ее место и значение в исторической науке, в политике, образовании, культуре // Петербургская историческая школа: Альманах. СПб., 2001. С.81. Ср.: *Альшиц Д.Н.* [Выступление в прениях]. С.62.
- ¹³³ *Брачев В.С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. С.11.
- ¹³⁴ *Брачев В.С.* Русский историк А.Е.Пресняков (1870—1929). С.13,21. Ср.: *Брачев В.С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. С.95.
- ¹³⁵ *Брачев В.С.* Петербургская археографическая комиссия (1834—1929). С.132.
- ¹³⁶ *Брачев В.С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. С.7,69.
- ¹³⁷ *Брачев В.С.* Русский историк А.Е.Пресняков (1870—1929). С.45; *он же.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. С.7,69,142,143.
- ¹³⁸ См.: *Платонов С.Ф.* Речь на: Пресняков А.Е. Образование Великоорусского государства. Очерки по истории XIII — XV ст. Пг., 1918 // Международная политика и мировое хозяйство. 1918. Кн.8. С.99-100.
- ¹³⁹ Там же. С.100.
- ¹⁴⁰ *Брачев В.С.* Петербургская археографическая комиссия (1834—1929). С.7.
- ¹⁴¹ *Брачев В.С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. С.8.
- ¹⁴² *Брачев В.С.* Речь на: Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. С.198-201; *Свердлов М.Б.* О «петербургской школе историков», корректности историографического анализа и рецензии В.С.Брачева. СПб., 1995; *Брачев В.С.* А.Е.Пресняков, С.Ф.Платонов и петербургская историческая школа. Ответ М.Б.Свердлову (1996) // *Брачев В.С.* Русский историк А.Е.Пресняков (1870—1929). С.72-83.
- ¹⁴³ *Панях В.М.* Речь на: Брачев В.С. Русский историк Сергей Федорович Платонов. С.136-141.
- ¹⁴⁴ *Свердлов М.Б.* О «петербургской школе историков»...
- ¹⁴⁵ См.: *Брачев В.С.* Речь на: Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. С.198-201.
- ¹⁴⁶ *Свердлов М.Б.* О «петербургской школе историков»... С.22.
- ¹⁴⁷ *Брачев В.С.* А.Е.Пресняков, С.Ф.Платонов и петербургская историческая школа. С.72-83.
- ¹⁴⁸ Там же. С.79-80.
- ¹⁴⁹ Там же. С.83.
- ¹⁵⁰ *Брачев В.С.* «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. С.11.
- ¹⁵¹ См.: *Панях В.М.* Речь на: Брачев В.С. Русский историк Сергей Федорович Платонов. С.136-141. В обосновании книги В.С.Брачева на страницах журнала также приняли участие А.Ю.Дворниченко и Н.Н.Покровский (см.: *Дворниченко А.Ю.* Речь на: Брачев В.С. Русский историк Сергей Федорович Платонов. СПб., 1995. Ч.1—II // ОИ. 1998. № 1. С.134-136; *Покровский Н.Н.* Речь на: Брачев В.С. Русский историк Сергей Федорович Платонов. СПб., 1995. Ч.1—II // Там же. С.142-145).
- ¹⁵² *Панях В.М.* Речь на: Брачев В.С. Русский историк Сергей Федорович Платонов. С.141.
- ¹⁵³ Там же.
- ¹⁵⁴ *Брачев В.С.* Возражения критикам // Клио. 1998. № 3. С.347-348.
- ¹⁵⁵ *Панях В.М.* О полемической заметке В.С.Брачева «Возражения критикам» // Там же. 1999. № 2. С.362-364.
- ¹⁵⁶ *Михальченко С.И.* Киевская школа в российской историографии. С.4-5.
- ¹⁵⁷ *Погодин С.Н.* «Русская школа» историков. С.17-49.
- ¹⁵⁸ *Погодин С.Н.* Научные школы в исторических науках. С.14-26.
- ¹⁵⁹ Там же. С.24.
- ¹⁶⁰ *Малинов А.В., Погодин С.Н.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и филолог. СПб., 2001.

- ¹⁶¹ Фролов Э.Д. Русская наука об античности. СПб., 1999. С.167.
- ¹⁶² Там же. С.170-171.
- ¹⁶³ Там же. С.171.
- ¹⁶⁴ Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв.: анализ отечественных историографических концепций. Екатеринбург-Омск, 2000.
- ¹⁶⁵ Там же. С.61-62.
- ¹⁶⁶ Там же. С.61.
- ¹⁶⁷ Там же. С.71.
- ¹⁶⁸ Там же. С.85.
- ¹⁶⁹ Там же. С.91-92. Ср.: Корзун В.П. Образы исторической науки в отечественной историографии рубежа XIX–XX вв.: Автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2002. С.16-17.
- ¹⁷⁰ Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. С.89.
- ¹⁷¹ Бычков С.П., Корзун В.П. Указ. соч.
- ¹⁷² См.: Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М., 1993.; *он же*. Русская историография в период империализма. Л., 1962; Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978; Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции /Под ред. В.Е.Иллерицкого и И.А.Кудрявцева. М., 1961; то же. 2-е изд. М., 1971; Русская историография: Учеб. пособие /Под ред. В.Е.Иллерицкого, И.А.Кудрявцева. М., 1960. Вып. III. Русская историография периода империализма; Иллерицкий В.Е. Историография истории СССР: Методическое пособие для студентов-заочников. Чита, 1969; *он же*. Историография истории СССР: Методическое пособие для студентов-заочников. М., 1969; *он же*. Русская историография второй половины XIX в. (Лекции для студентов Московского государственного историко-архивного института). М., 1957; Рубинштейн Н.Л. Русская историография.
- ¹⁷³ Бычков С.П., Корзун В.П. Указ. соч. С.150-222.
- ¹⁷⁴ Там же. С.77-80.
- ¹⁷⁵ Там же. С.150.
- ¹⁷⁶ Там же. С.154-156. Ср.: Ростовцев Е.А. А.С.Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. С.12-14.
- ¹⁷⁷ Бычков С.П., Корзун В.П. Указ. соч. С.156.
- ¹⁷⁸ Там же. С.157.
- ¹⁷⁹ Дворниченко А.Ю. Владимир Васильевич Мавродин: Страницы жизни и творчества. СПб., 2001.
- ¹⁸⁰ Там же. С.9.
- ¹⁸¹ Там же. С.175.
- ¹⁸² См.: Сидненко Т.И. Петербургская школа историков (либеральное направление) // Клио. 2002. № 4. С.24-27.
- ¹⁸³ Зашихин А.Н. Русская историография от Нестора до наших дней: План-конспект курса «Историография истории Отечества». Архангельск, 1999. С.11.
- ¹⁸⁴ Мауль В.Я. Историография отечественной истории (курс лекций для студентов исторического факультета). Комсомольск-на-Амуре, 1999. С.111-116.
- ¹⁸⁵ Историография отечественной истории: С древнейших времен до середины XX столетия: Учебно-методическое пособие /Сост. Н.Г.Георгиева. М., 1997.
- ¹⁸⁶ Историография истории России до 1917 г.: Учебник для студентов высших учебных заведений /Под ред. М.Ю.Лачаевой. М., 2003. Т.2. С.378.